

ОБРЕЧЕННЫЕ НА ВЫБОР

ДЕНИС
МУР.

18+

Денис Мур.

Обреченные на выбор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67702790

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник посвящен тем, чье рождение, детство и взросление пришлось на смену веков – поколению миллениалов, эгоистичному и романтическому, все время стоящему перед Его Величеством Выбором. Главная проблема и, одновременно, наиважнейшая черта этого «промежуточного поколения» – обреченность на принятие решения. Все происходит в реальном мире, с реальными людьми. Они сталкиваются с ситуациями, где приходится находить силы и желание, чтобы думать, действовать... и жить дальше.

Содержание

Офис	5
Кофе	16
Три в одном	30
От слова «худо»	47
Пять проблем на Фонтанке	54
Проблема 1. Костик	55
Проблема 2. Нина	69
Проблема 3. Елисей	82
Проблема 4. Валя	96
Проблема 5. Аниса	111
Предназначенная	124
Мухи творчества	130
Аллергия	138
Кактусы и люди	143
Выстрел в пустоту	151

Денис Мур.

Обреченные на выбор

Посвящается одному человеку.

Все возможные совпадения случайны.

Честно.

Офис

С корпоративной культурой я знаком с самого детства, поскольку мы с ней росли бок о бок. Как большинство семейных пар, чье становление пришлось на «золотые» нулевые, родители рьяно зарабатывали деньги, и, соответственно, большую часть времени проводили в офисе. Я же был участником всех дополнительных кружков, спортивных секций и групп продленного дня. Но порой и этого оказывалось недостаточно, чтобы занять мое свободное время, и родителям приходилось тащить меня с собой на работу. Там меня иногда поручали секретарю, но чаще выдавали компьютер со стандартными играми «Виндоус».

Сейчас я понимаю, что это не самое лучшее времяпрепровождение для малыша, а тогда для меня это было очень крутое занятие. Плюс к тому мне, привилегированному ребенку (и моим родителям, занимавшим ведущие должности), все старались угодить. Помимо личного компьютера и секретаря, у меня имелся доступ ко всем офисным помещениям, население которых пыталось меня чем-нибудь угостить. А любой склад или шоу-рум автоматически превращались в большую игровую площадку. Развлекаясь, я видел бизнес-процессы в действии. Возможно, именно поэтому я так отчаянно пытался не допустить их появления в моей жизни, и по той же причине к ним пришел, в конце концов.

Прошло больше десяти лет, и сейчас у меня совсем не начальный этап корпоративной жизни. Все уже давно устоялось и не требует дополнительной стимуляции в виде совместных гулянок, корпоративов и тому подобного. Работа – это только работа, и ее нужно выполнять. Хорошо выполнишь задачу – компания и собственник получают доход, из которого и тебе отломится. Остальное – неважно.

В отличие от родителей я не занимаю руководящей должности, и мне никто не стремится угодить. Имея вполне конкретную зону ответственности, я обладаю возможностью ею управлять. При этом ничего от меня не зависит, и спроса с меня почти никакого. На этапе согласования решения или действия главное – презентовать руководству вариант обоснованный и логически верный. Он может таким не являться по факту, главное – презентовать. Дальше никто вопросов не задает, никто не лезет в цифры и отчеты. А если и полезет, то ни черта не поймет. Потому что главный секрет статистики и аналитики – их податливость и гибкость в руках того, кто с ними работает. Внутри отдела, даже если ты отвечаешь за разные направления, подход к ним должен быть примерно одинаковый, чтобы у шефа не было лишних вопросов, и все детали совпадали с их внутренней схемой.

Как только приходишь на новое место, первая задача – не «влиться в коллектив» (сейчас это не модно), а принять правила игры, которые были до тебя. Затем работу надо максимально подстроить под эти правила и не выделяться. Как

только коллеги и руководство увидят и почувствуют, что ты выполнил оба пункта, считай, что место застолбил, и можно жить спокойно.

Соблюдай эти условия, и работа для тебя превратится в привычку согласно графику. Нынче в него не входят стандартные игры вроде «косынки» и «сапера»; их заменили социальные сети. Но кое-что остается неизблемым: кофе или чай, булочки из столовой, перекур и чтение новостей. Остальное – по личному усмотрению. Я, например, прокачиваю команду в футбольном симуляторе, хотя мог бы и вышивать крестиком, и переводить древне рукописи. Главное – другим не мешай. Все ритмично варятся в большой бизнес-машине, ориентируясь на регламенты и мануалы.

Все дни повторяют друг друга. В этом ничего страшного нет. У меня такой же выбор, как у всех. Это выбор грамотного и расчетливого человека, беспокоящегося о своем будущем. Весь наш коллектив пришел сюда вчера, завтра и сегодня, потому что это самый удобный способ зарабатывания денег, сопряженный с наименьшим риском. Нам комфортно в условиях стабильности.

Нас в департаменте немало, но в новом офисе – всего семь человек в трех отделах. Совсем недавно работали в общем здании, но нас, как ребят ответственных и автономных, переселили в рядом стоящий бизнес-центр. А мы только и рады. Ничего не изменилось, но кабинет больше, и столовая ближе. Наверное, это и стало ключевым событием, сильно

повлиявшим на мою точку зрения касательно корпоративного образа мышления. Не будь этого переезда, так и не заглянул бы за горизонт, ограниченный столом и компьютером, или вообще ушел бы на «удаленку», так и не узнав, с кем работаю.

Простое отключение сервера в тот незабываемый день перевернуло все вверх тормашками. С чем связан сбой, мы так и не поняли. Возможно, накосячили айтишники. Возможно, нагрязнула проверка из госучреждений, и, так как все связано с единым центром, рухнули все учетные записи. Мы находились отдельно от всех, и информации у нас не было, да и никого это особо не взволновало. Все плавно переключились на свои дела, которые вскоре закончились.

– Так никто ничего и не выяснил? – громко спросил старший полевой маркетолог.

– И не собирались, – отозвалась «Реклама-1».

– Может, что-то случилось? – озабоченно прошептала «Реклама-2».

– Сразу видно, что в армии не служили. Солдат спит, служба идет, – блеснул армейской мудростью младший полевой маркетолог, за глаза называемый «Бегунком».

– К девочкам это не относится. Они не служат.

После этого неоспоримого утверждения воцарилось молчание. Нам, троем маркетологам-аналитикам, «трепаться ни о чем», в принципе, несвойственно. Специфика нашей работы такова, что мы выжидаем какое-то время и собираем

данные, прежде чем делаем выводы и, уж тем более, их озвучиваем. Пока «полевики» ходили бесчисленное количество раз на перекуры, а рекламщики, не найдя себе занятия поинтереснее, трещали без умолку, мы солидно проверяли новостные сводки, закупались на маркетплейсах товарами для дома или читали бесконечные лонгриды.

– Ну что, коллеги, у кого что нового в жизни? – первым не выдержала аналитик по направлению «Запад».

– Ага, давайте познакомимся, – то ли всерьез, то ли с иронией буркнул «Центр».

– Тогда можно и выпить. – «Бегунок», моментально вдохновившейся этой идеей, стал бурно жестикулировать и сбил со стола вентилятор старшего товарища. Тот рассердился.

– Это еще что за разговоры! Тебе вообще не обязательно находится в офисе, сейчас в поля отправлю, информацию собирать.

– Это негуманно!

– Ладно, не бойсь, тем более – сервер могут включить в любой момент, а ты мне должен отчет по весенним распродажам.

– А если не включат, что будем делать? Может у кого-нибудь есть светлые идеи и... – Я не успел договорить, как «Реклама-1» начала трансляцию свежей информации.

– Мне сейчас написала бухгалтерия, сказали, что во всей компании нет подключения, даже в Новосибирске. Скорее всего, сегодня уже ничего не исправят.

– Ну, все, пошли домой! – не унимался «Бегунок».

Профессиональная привычка постоянно находиться в движении накладывает отпечаток.

– Подождите, мы все хотим домой по своим делам, но, пока не будет распоряжения, нам положено оставаться на своих местах.

«Центр» давно метил на очередную ступеньку карьерной лестницы. Поддержание рабочей атмосферы при отсутствии работы было одной из необходимых для этого компетенций.

– Допустим, сейчас сообщат, что мы освобождены на сегодня и можем расходиться. Кто чем займется?

Зачем мне понадобилось об этом спрашивать? Видимо, просто решил поддержать беседу. Нечасто они происходят в наших стенах.

– С собакой гулять пошел бы, – серьезно ответил «Центр». – Она и так у меня, бедная, не догуливает. Им, биглям, двигаться нужно, и чем больше, тем лучше. А моя – от лежанки до кормушки...

– А фотка есть? – взвизгнула «Рекламщик-2», – Какая прелесть, жирненький такой!

Телефон пошел по рукам.

Наш офис вполне стандартный, но все столы стоят вдоль стен, очень плотно. Но зато никто не посягает на твое личное пространство, не заглядывает в твой монитор. Да и сами мониторы столь велики, что не позволяют пересекаться взглядами с коллегами.

– Да-да... Это все дефицит движения. Утром пятнадцать минут, потом после работы и перед сном – по полчаса. Большим временем не располагаю.

– Хорошо, что мои домашние животные прогулок не требуют, – задумчиво пробормотал старший полевой маркетолог. Потом, опомнившись, уставился в монитор, словно занятый чем-то важным.

– Будет продолжение истории? – «Запад» выразила общее мнение.

– Ну, там вообще все долго и неинтересно...

– Время-то есть.

– У меня дедушка был, царство ему небесное, выдающийся ученый Союза. Занимался ботаникой и хобби имел – лепидоптерологию, коллекционирование бабочек. Дед умер, а ящики остались. Сестра предлагала в музей сдать, да коллекция не шибко интересная. Выкидывать – жалко. Забрал на хранение, потом сам заинтересовался. Так и висит все на стене. Дедовские – повыше, мои – пониже. У него собрание масштабнее, да и экзотичнее, но, может, догоню еще.

– Никогда бы не подумал. А что с ними дальше делать будешь, когда стены закончатся?

– Не знаю. На дачу перееду.

– Вот только про дачу не надо, пожалуйста. Мне она скоро сниться будет! Я сегодня очень хорошо отдохнул бы и от нее, и от работы, – среагировал младший «Бегунок».

– А чем тебе дача не угодила? Там хорошо, воздух свежий,

природа, – старший «Полевик» явно перенесся мыслью на просторы, где с цветка на цветок перелетают бабочки.

– Это правда. Но, когда загородный участок принадлежит тестю, приезжаешь ты туда только на садово-ремонтные работы.

– Так ты женат? Тебе же и двадцати пяти нет. А почему кольцо не носишь? – «Реклама-2» быстрее всех сообразила и заинтересовалась.

– Двадцать три. А свадьба два года назад была.

– А почему нам не сказал? – включилась «Реклама-1».

– Я еще тут не работал. Только диплом защитили, и сразу расписались, а потом в армию, правда, только на полгода. Но это все не так важно, а вот возможность просто ничего не делать, особенно – не махать лопатой, меня очень интересует, поэтому еще раз предлагаю пойти домой.

– Ты ведь первым делом выпить предлагал, – напомнил я «Бегунку».

– А одно другому не мешает. Так же, как военная служба не помеха семейной жизни: и там, и там стаж идет, как наш ротный говорил. До сих пор не понял, что конкретно он имел в виду.

– Ну их, эти армейские поговорки, одна пошлость и ничего больше. Лучше, девочки, скажите, чем вы займетесь? – модерировал беседу «Центр».

– Можно, я первая? – подпрыгнула «Реклама-2». – Испанский, я начала учить испанский, и сегодня у меня очередное

занятие, хочу лучше подготовиться.

– Зачем тебе он? И вообще, давно им занимаешься? Ты что, эмигрировать собралась? Это из-за прошлогодней поездки в Валенсию? – «Рекламу-1» распирало от новой информации о своей, пусть и офисной, но, тем не менее, по-друге.

– Предпочту без подробностей. Просто хотела похвастаться своим новым увлечением.

– Если я поделился своим увлечением, достойным какого-нибудь фильма про маньяков, то ты вполне можешь рассказать о причинах изучения нового языка.

– Это все, конечно, так, – было видно, что она уже пожалела о своем заявлении, совершенно, впрочем, безобидном. – Ладно, просто сглазить боюсь. Во время поездки в Валенсию я познакомилась с парнем, он испанец. Сейчас планирую поехать к нему в гости. Чтобы впечатлить его и его родителей, учу уже полгода язык. Вот, не хотела никому об этом говорить на работе, вдруг слухи пойдут...

– Мы никому не скажем, не переживай, – заверила подруга.

– Не бойся, мы – могила, – подтвердила «Запад», – Кстати, ты не знаешь, в Испании с кофе дружат?

– В каком смысле? Его вроде везде пьют, – «Реклама-2» удивилась.

– Выращивают там эксклюзивные сорта?

– Про виноград и оливки знаю, а про кофе нет. Хочешь,

я у Педро спрошу?

– Нет-нет, это лишнее. Во мне проснулась меркантильность. – Улыбнулась «Запад». – Если все сложится, то прошу тебя выслать мне зерна на пробу и для посадки.

– Ты прямо дома, в горшке, будешь выращивать? – поинтересовался любитель невинно убиенных бабочек.

– У меня сейчас сорта из Бразилии растут и из Африки. Вот как раз сегодня хотела урожай снимать.

– Принесешь нам на пробу? – «Бегунок» явно соблазнился.

– Да там на чашку, дай Бог, наберется. Но обещаю поведавать вам о вкусовых ощущениях.

– Ой, вы все такие интересные, я даже чуть-чуть завидую. У меня все эти годы только одно занятие кроме работы, и сегодня я бы ему время отдала.

«Рекламщик-2»... Единственная из всех нас, она не скрывала своего увлечения. На столе и на стене над ним красовались коллажи. В меру экспрессивные, в меру спокойные, они существовали как неотъемлемая часть офиса и своей создательницы.

Теперь моя очередь рассказывать о планах на сегодня. Начиная этот разговор, я и представить не мог, что он получится столь откровенным.

Мне-то рассказывать было не о чем. От затянувшейся паузы меня спасли айтишники.

– Коллеги, – начал я, и от этого, до сих пор привычного,

обращения меня вдруг передернуло, – кажется, сервер заработал...

Кофе

Море. Часто нам не хватает его? Там, где я живу – всегда. Наверное, тяга к морю – в крови у всех обитателей промышленных городков, разбросанных по стране.

Серые стены, свинцовый асфальт и тусклое небо. Выхлопные газы и дым заводских труб. И в душе – подернутые пеплом угли...

Моря жаждут молодые и старые. Кто-то из них уже видел то, о чем мечтает. Им довелось вдыхать запах водорослей, ощущать на коже теплые брызги и касания ветра, набирающего силу в считанные секунды. Им повезло ступать по горячему вязкому песку. Это – счастливицы по сравнению с теми, кто видел море лишь по телевизору.

Мне повезло. Я знал, что такое море. Несколько лет назад я ощущал его, дышал им, растворялся в нем. Эти воспоминания превращали в пытку тягучие осенние и весенние месяцы, когда ноги омывала не морская пена, а уличная слякоть, и воздух пах бензином. В это время жажда моря становилась невыносимой...

Огромные звезды на агатовом небе ночью и прогулки под луной. Солнечный шар в лазури и звон цикад днем. Домашнее вино...

На море вино всегда вкуснее. Волна воспоминаний вынесла меня к ближайшему супермаркету, и я купил бутылку с

яркой этикеткой.

«Крымское полусладкое». Кассирша выбила чек и предложила пакет. Зачем он мне? До квартиры – сотня метров и несколько этажей.

Обитатели дома могут подумать, что у меня слабость к вину. Правда, в руках я держу всего одну бутылку. Но у соседей слишком богатый опыт общения со мной. Не раз они приходили, когда я устраивал сборища. Полная квартира людей, зачастую малознакомых, музыка на полную катушку, сигаретный и кальянный дым – полный боекомплект. Мне известно? Пожалуй. Но какой еще есть способ утолить голод? Не алкогольный, конечно. Эмоциональный.

Однажды мой друг сказал, что я чувственный наркоман, мне постоянно необходимы эмоции, и лучше всего – новые, еще не испытанные.

Да, он прав. И в данный момент мне нужны эмоции моря. Добравшись до квартиры, я не стал отвлекаться на переодевание, мытье рук и ужин. Вместо этого разрыл хлам на полке, достал книгу и откупорил бутылку.

Книга в моих руках – классика. Лермонтов, «Герой нашего времени». На первый взгляд, странный выбор. Горы Кавказа – и море? Какие тут ассоциации? На самом деле они были.

Именно эту книгу я читал чуть меньше года назад на берегу Черного моря. Глоток, второй. Страница, еще одна. Глоток вина. И – вот оно. Память с готовностью рисует...

Солнце не покинуло полуостров, но уже намекало на скорое окончание дня и приход ночи. Мы сидели в одной из многочисленных полу-бухт – я и она. Прежде чем остановиться здесь, мы проехали на велосипедах с десятков километров вдоль берега. В одном месте было многолюдно, к другому невозможно подступиться на велосипедах, в третьем не удавалось спуститься к морю.

И вот мы тут, и с наших тел стекает соленая вода под закатным солнцем. Заливчик похож на небольшую гостиную: гладкий песок вместо паркета и небольшой грот. Под каменным сводом мы поставили велосипеды, а на двух больших выступах, расположенных друг против друга, расстелили полотенца, и у нас получились два кресла.

– Давай побудем тут подольше? Здесь должен быть волшебный вид на закат, – она произнесла это вполголоса, с придыханием.

– Да, пожалуй... Нас же никто не торопит, да и кемпинг отсюда – рукой подать...

– Хочешь персик? – она меня словно не слышала. – Они удивительные. Огромные и сладкие.

Она вытащила из сумки два персика и бутылку с водой.

– Подержи.

Она мыла персики, и во все стороны летели брызги, от-

скакивали от камней, ложились мелким бисером на ее загорелые ноги.

Я, замороженный, смотрел на нее. «Боже, как это чудесно» – банальная мысль постучалась в голову. А о чем еще я мог думать? Красивая девушка, фрукты, море, приближающийся закат, вино, ждущее в рюкзаке.

Но истинную, настоящую ценность происходящего я в тот момент не осознавал.

– Держи, – ко мне протянулось рука с влажным бархатным персиком.

– Спасибо, – чувствуя себя, как в невесомости, я укусил сладкую плоть. – Фантастика.

– Да. За все время, что я здесь, я съела целый грузовик. – Она впилась в мякоть, и по подбородку побежали струйки сока. Ее розовая ладошка вытерла губы, и глаза засмеялись.

Мы ели, обливаясь нектаром, и солнце огромным спелым персиком тонуло за горизонтом. Я думал о том, что мы знакомы всего два дня, и вот – романтика. Это тебе не город, в котором живешь годами и ленишься выйти из квартиры, чтобы встретиться с тем, кого знаешь всю свою жизнь. Времени жалко. А здесь проводишь с незнакомым человеком часы и дни, и нет ощущения, что напрасно. Наверное, это из-за отпуска, в котором смещаются и время, и расстояния. А может быть, южное солнце снимает с тебя десятки шкур и масок, защищающих от скучной обыденности?

Да что там рассуждать? Мне просто очень хорошо рядом

с ней. Остальное – неважно.

– А у нас будет костер? – спросила она.

– Да, конечно, пойду, топливо найду, а ты отдыхай.

– Думаешь, мне интересно просто так тут сидеть? Ни за что! Кто больше хвороста найдет, тот – чемпион!

Она задорно засмеялась, натянула кроссовки, и побежала к выходу из нашей импровизированной веранды.

– Осторожней, не упади, – крикнул я ей вдогонку, но она уже не слышала.

Тут с сухой древесиной были проблемы. Вернее сказать, древесины не было вообще никакой. Но нам повезло. Мы набрали на заброшенную стоянку. Хозяева оставили хворост и несколько поленьев в углу пещеры. Благословляя добрых людей, мы забрали подарок, и вернулись к нашему гроту.

На огонь можно бесконечно не только смотреть. Еще – слушать, как трещат ветки, пожираемые пламенем и стреляющие искрами.

Огоньки отражались от каменных стен и воды, превращали вечер в таинство. Такие моменты словно созданы для откровенных бесед, но разговаривал пока лишь костер. Мы молчали, провожая глазами густо-оранжевый шар, уходящий за горизонт.

– Хорошо, – она первая нарушила тишину.

– Да... Откуда такое вино?

– От того же дядечки, что мне персики продал. Домашним вином здесь торгуют не все. Мне повезло.

– А не страшно тебе покупать самодельное? Вдруг ослепнем? – пошутил я.

– Нет, местные виноделы дорожат репутацией. В этом городке туристов немного. Если что пойдет не так, на следующий день все будут знать, кто продал отраву, и не пойдут к этому продавцу. Оно ему надо? Это тебе не Сочи какой-нибудь.

Она сделала большой глоток из бутылки.

– Вкусно?

– Очень. А главное, все натуральное.

– Дома не найдем такого, останется только вспоминать.

– Или не возвращаться.

– Ты серьезно?

– Ну вот, по-твоему, сколько я уже тут?

Я закончила универ, и надо было определяться с работой. Идти в офис категорически не хотелось. Предлагали устроиться через связи отца, но я отказалась. На офисную жуть насмотрелась, когда проходила месячную практику в банке. Меня царапал даже не строгий контроль, а замученный и понурый вид сотрудников, вечно проклинавших судьбу. Поэтому тайком от родителей продала машину, подаренную мне на двадцатилетие, и организовала «кофе с собой».

Первые месяцы было сложно во все вникать. Поставщи-

ки, транспорт, бухгалтерия... Но потом все как-то «устаканилось», и меня перестали пугать банковские переводы и подсчет зарплаты сотрудников. Да и тех у меня вначале не было. А позже появились, когда стало ясно, что одна я просто не успеваю.

Сперва был арендованный вагончик. В половине девятого утра запускался процесс, в девять вечера все заканчивалось. Пока не варила кофе, сидела за ноутбуком, изучала маркетинг, переписывалась с поставщиками, отправляла платежки. Потом появились два помощника. Они мне здорово помогли, взяли на себя большую часть рутины. Хорошие ребята.

А дальше все закрутилось, завертелось. Еще пара вагончиков. Потом осуществила идефикс – открыла собственное кафе. Переехала от родителей в съемную квартиру, затем взяла ипотеку. Круто для двадцати четырех лет?

У меня было все, о чем можно мечтать. Ну, почти все. Я была одна. Мимолетные встречи и ухаживания не в счет. Я ведь с утра до вечера варила в своей кофе-машине. Больше двух дней парни не выдерживали: максимум, что им доставалось – это проводить меня до дома.

Так все и шло, пока я не встретила Эдика. Мне нужен был помощник, и на собеседование пришел Эд. Мы сразу нашли общий язык. Спустя три месяца все само собой закрутилось, я даже не поняла, как именно. Сейчас, оглядываясь в то время, могу анализировать, а тогда это было, как омут... Он так

смотрел на меня... и понимал без слов. После работы мы часто оставались в кафе и слушали пластинки «Наутилуса». Болтали ни о чем и обо всем на свете, смеялись, дурачились. Это было похоже на ураган из чистого кислорода.

Прошло еще какое-то время, и мы стали неразлучны. Как ботинки: левый и правый. Я вперед, он за мной; он делает шаг, а следом – я. На работе старались не афишировать наши отношения, но, когда он переехал ко мне, скрывать стало нечего, да и незачем.

Через полгода Эд предложил расширить бизнес, торговать не только кофе, но и оборудованием для кафетериев. Поначалу я сомневалась, но он меня уговорил. Я по-прежнему занималась своим кафе, а он стал налаживать оптовую торговлю. Надо признать, у него неплохо получалось. Появились «свободные» деньги, и мы стали выбираться за границу, на море. Да просто выезжали на машине в соседние города. Уже ловила себя на том, что жду предложения руки и сердца.

И тут сказка закончилась.

Как сейчас помню, я закрывала кафе и ждала его. Он вошел промокший с головы до ног, взъерошенный, дерганый.

– Ты почему такой мокрый?

– Дождь на улице.

– Но ты же на машине?

– Присядь, мне нужно тебе кое-что рассказать.

За наш любимый столик Эд уселся не рядом, как всегда, а напротив. Тогда решила, что он хочет со мной расстаться, и

душа ухнула в пятки с такой силой, что меня начало трясти. Но он вовсе не собирался бросать меня. Он рассказал, что проигрался в пух. Машину пришлось срочно продать, и это только часть долга.

Я знала, что он иногда играл в покер, но воспринимала это как безобидные посиделки с друзьями и пивом. Я и представить не могла, насколько все серьезно. Но он стал уверять меня в том, что это все пустяки, что мы с этим справимся...

Я поверила. Ведь главное, что мы вместе, мы переживем все, и станем жить как раньше.

Я ошибалась. Долг оказался больше, чем я думала. Пришлось продать часть оптового бизнеса. На предложение вернуться в кофейню Эд ответил категорическим отказом. Мол, не может он так поступить – все будет выглядеть так, словно я за него отдаю долги. Вместо этого он устроился на работу. Что-то, связанное с офисной мебелью... На какое-то время все стало по-прежнему. И даже вернулись вечера с пластинками.

Закат продолжался и освещал ее лицо и плечи. Теперь она была еще красивее. На густых волосах, собранных в тугой хвост, и на лице сияли крохотные кристаллы от высохших морских брызг. Короткая черная майка упруго облегла грудь. Узкие кремовые шорты сливались с кожей в начина-

ющихся сумерках.

Ни один нормальный мужчина не устоял бы. Вероятно, я – ненормальный. Я видел уже много больше того, чтобы просто переспать с ней. Я видел ее полностью обнаженной изнутри. Это было доверие, которое родилось из ее рассказа. Природа души победила природу тела.

– Что было дальше?

Камбэк оказался недолгим – около четырех месяцев. За это время я уверилась в том, что все пережито, все позади.

Я заблуждалась.

Однажды после рабочего дня я не смогла попасть в свою квартиру. Ключи не подходили к замку. Ничего не понимая, я набрала его номер. Он долго не брал трубку, а когда все же ответил, то произнес только одно слово: «прости».

Это его телефонное «прости» на всю жизнь засело во мне. Той ночью пришлось искать приюта у единственной университетской подруги. К родителям я не могла поехать. Они бы меня начали расспрашивать о том, что мне самой было непонятно.

Позже выяснилось, что карточный долг Эда был намного больше, чем он мне сообщил. Чтобы расплатиться, он заложил мою квартиру. Не думай, я обращалась за помощью к юристам, но у его кредиторов оказались слишком мощные

связи.

Мне пришлось продать свой бизнес. Это было сродни продаже самой себя. А от него – ни слуху, ни духу.

...Сентябрь, я только что выкупила квартиру и иду по городу, куда глаза глядят. Меня как будто не существует, я – невидимка. Два раза меня чуть не сбила машина, трижды окатили водой из луж, а сколько сигналили – не счесть. Сейчас, наверное, это кажется смешным, а тогда это был полный ад.

Я очнулась только, когда уперлась в автомагистраль и пошла вдоль. Шла, пока вконец не обессилела. На мое счастье рядом оказалась автобусная остановка. Спрятавшись под навесом, я упала на скамейку и начала плакать, и не могла остановиться. А дальше случилось то, что привело меня сюда. Нет, не привело, а направило. И это была лучшая встреча в моей жизни.

– Девушка, я уже минут десять наблюдаю, как вы плачете. У вас такой марафон?

Рядом стояла женщина лет шестидесяти, скромно одетая, с кавказскими чертами лица и смуглой кожей.

– Ну, что ты тут сидишь? Пойдем, кофе попьем, согреемся.

Как околдованная, я пошла за ней. Оказалось, она была хозяйкой шашлычной рядом с остановкой. Обычная придорожная забегаловка с грубой мебелью и засаленными скатертями.

– Ты присаживайся, сейчас все принесу.

Женщина ушла за перегородку, где, по всей видимости, была кухня. Через пять минут на столе стояли две маленькие чашки.

– Ты пей, пей, не бойся. Это то, что тебе сейчас нужно.

Хочешь – верь, хочешь – нет: никогда не пила такой вкусный кофе. Представляешь? У меня была собственная кофейня! Все зерна, что мы закупали, молола и пробовала, отыскивала самые-самые. А тут какая-то придорожная шашлычная...

– Вкусный? Можешь не говорить, Эмма знает, что вкусный.

– Спасибо.

– Не благодари. Вот лучше халву покушай, вкусная халва.

– Почему вы ко мне подошли?

– А что, не должна была? Я посуду мыла на кухне, смотрю в окно: ты вся мокрая и потерянная. Нехорошо. Мало ли, случилось что? Надо помочь, вот и вышла за тобой.

– Спасибо.

– Ты пей и кушай.

– Эмма, а в чем секрет? Я перепробовала, наверное, весь кофе, который привозят к нам в город, но никогда не пила ничего подобного. Что за сорт? Откуда?

– А, понравился! Все очень просто. Не важен сорт и место, откуда он был привезен. Важно лишь то, где он сварен.

– Вы сварили его на кухне. Там специальная плита?

– Плита обычная. Я сварила его там, где действительно счастлива. Ты не оглядывайся, глазами счастье не увидишь. Его надо чувствовать.

После этих слов мы толком не разговаривали. Я вызвала такси. Больше мы с Эммой не виделись.

Я молча переваривал ее историю. Прошло несколько минут, и она предложила искупаться.

– Ты знаешь, что ночью тут можно увидеть планктон? – спросила она, раздеваясь.

– Он же совсем мелкий?

– Но от движения он начинает блестеть. Вот, смотри!

В том месте, где ее тело вошло в море, засверкали маленькие огоньки. Расходясь в стороны, они становились все более рассеянными. Поэтому я постарался прыгнуть туда, где огоньков было больше всего. Мы стояли рядом, совсем близко друг к другу. Стоило шевельнуться, и планктон загорался. Звезды были на небе, звезды были в воде.

– Ты и здесь пьешь кофе? – спросил я.

– На данный момент это лучший напиток в моей жизни, – она улыбнулась. – И, мне кажется, я еще способна сварить свою самую лучшую чашку. Да и вино здесь вкусное.

Я проснулся от духоты. Подо мной был плюшевый диван, а за окном – дождь. В голове шумело после «Крымского полусладкого». Книга упала на пол и раскрылась на главе «Княжна Мэри».

Сварив в турке кофе, я осторожно сделал первый глоток.

Бурда.

Значит, в жизни пора что-то менять.

Три в одном

Расширенные зрачки и выражение лица говорили о многом. Связь с реальностью была отчасти утрачена. Все, что она различала помутневшим взглядом – это вспышки света и масса тел, хаотично дергающихся на танцполе. Если она опускала веки, возникал фейерверк, больно бьющий в виски.

Евгения. Приличная девочка. Университет в Москве, не самый-самый, но довольно престижный. В асоциальных компаниях не замечена. В столице нашла работу с неплохим заработком на должности ведущего аналитика. Вечерами смотрит сериалы. Позволяет себе раз в месяц бокал красного вина. Порочных связей не имеет. Сексуальные контакты – исключительно во время «серьезных» отношений. Внешне весьма недурна. Прямые русые волосы до лопаток, аккуратный нос, зелено-карие глаза. Губы тонковаты. Рост средний. Грудь второго размера. Попа: есть за что подержаться, но использовать в качестве подушки не рекомендуется.

С чего вдруг такая девушка так вляпалась? Она задавала себе и этот вопрос, и еще кучу других.

«Как я тут оказалась?»

«Сколько времени я буду такая?»

«Тут безопасно?»

«Это на меня все смотрят?»

«Почему все слишком быстро?».

Вопросы оставались без ответов.

«Так, сейчас надо привести мысли в порядок» – сказала она вслух.

Пробираясь сквозь толпу, она видела искаженные вспышками софитов страшные физиономии. Еще более мучительными были случайные прикосновения, ледяными иглами проникавшие под кожу. Хотелось закричать и убежать из клуба. «Успокойся, все нормально, это просто люди. Твоя реакция – обостренное восприятие», – бубнила она себе под нос, продолжая двигаться туда, откуда, казалось, веяло свежим воздухом.

Сейчас она воспринимала звук всеми органами чувств. Здесь, в главном зале, звуки были раскатистые, бросающиеся из стороны в сторону, разгоняющиеся во всех направлениях, оставляющие после себя шипящие следы, которые Женя окрестила «шушушками». То была горная река с множеством порогов и подводных гейзеров, с пеной, оставляющей после себя пузырчатый след. От этого закипала кровь во всем теле.

Пройдя несколько помещений, Женя вышла на летнюю веранду, где царила спокойная мелодия. Из колонок выливался лесной ручей, журчал на перекатах, перемешивался с птичьими трелями, подобно живой воде заполнял голову, и его плавное течение помогало течь мыслям, не давало им застаиваться.

В дальнем углу веранды стояла одинокая лавочка. Там

можно было спрятаться от хаоса. «Почему она такая жесткая? Или деревянные скамейки для того и делают, чтобы ощутить разницу между примитивной и благородной мебелью? Так, остановись, выдохни. Но почему я не могу выдохнуть? Или я уже выдохнула, просто не заметила? Интересно, люди всегда не замечают, как они дышат? Я точно на это не обращаю внимания, а стоит, ведь это важно...» Она не успела додумать. Мозг стал воспроизводить мультик, описывающий процесс дыхания... Воздух проникает в легкие, там красные кровяные тельца насыщаются кислородом, затем по множеству капилляров и артерий они проносятся как маленькие машинки, отдавая загруженный в них газ. Вроде бы, все именно так.

Мультик закончился. Рядом возник сосед. «Зачем он тут уселся, не понимает разве, что я не хочу никого видеть? А если он попытается познакомиться? Мне же придется ему отвечать, а как я это буду делать? Вдруг он не сможет понять мою речь и подумает, что я наркоманка? А я совсем не наркоманка, просто хотелось провести эксперимент. Я же не знала, что все так получится. А как получилось? Возможно, все пошло именно так, как должно было идти, или же наоборот. Надо спросить у ребят, как у них. Да, конечно, с ними все в порядке, танцуют себе. Главное, не потеряться. Так, где мой телефон? ГДЕ МОЙ ТЕЛЕФОН??? В сумочке лежит. А где сумочка? На коленях...»

– Извините, мы знакомы? – спросил молодой человек.

«Что ответить? Надо собраться».

– Нет, вряд ли. С чего ты решил?

– Просто ты уже пять минут смотришь на меня.

– Вовсе не смотрю. Просто задумалась.

– И о чем? Если не секрет, конечно.

– Ни о чем, просто разные мысли.

Сердце колотилось с такой силой, что она чувствовала каждую мышцу в грудной клетке. «Надо вести себя максимально естественно, как обычно».

– Саша, – молодой человек протянул руку.

– Женя, – она робко ответила на вежливый жест.

Вместо ледящего проникновения под кожу она почувствовала тепло, словно коснулась только что выглаженного полотна. Контакт продлился недолго, но Женя еще некоторое время ощущала его в ладони.

Повисло молчание. Она рассматривала соседа. Легкая светлая толстовка, загорелое лицо, белые зубы, короткие волосы, выгоревшие на солнце, летние широкие брюки, чуть мешковатые. Главное – улыбка, делающая лицо красивее.

Саша сидел спокойно, слегка отвернувшись. Явно изучал людей, плавнодвигающихся под музыку. Не искал общения, просто коротал время, дожидаясь кого-то. Знакомство с девушкой было лишь проявлением вежливости...

... Утром, добравшись до дома и оставаясь под действием «эксперимента», она пробовала уснуть, но ее будоражили образы из диснеевского мультфильма. Она была Белоснеж-

кой, а Саша – ее принцем. Они гуляли вдоль ручья, бегущего по лесу, и распевали песни...

Потом все превратилось в огромный холст с бешено крутящимися яркими масляными красками. Потом она уснула, и проспала почти все воскресенье.

Завтра был понедельник. Предстояло пережить рабочую неделю, и не одну.

– Да что ж так жарко-то?

Митяй вывалился из метро на площади Пушкина. Солнечный кулак сразу двинул ему в обветренную физиономию. Тридцать пять градусов, полдень и полное отсутствие намека на движение воздуха создавали наихудшие условия для похмелья. Правда, и благоприятных условий для похмелья не существует, но все же, все же...

Оглядевшись по сторонам, он неуверенно поплелся к скамейке, спрятанной в тени. Ноги не слушались, и короткий маршрут превратился в пытку. Да еще и сам Митяй усложнял себе передвижение, пытаясь на ходу перетрясти карманы в поисках денег. «Так, двадцать рублей. Стоп. У меня же была карта». Он еще раз перепроверил «чехлы для рук».

– Проср...!

Звонок прервал уже практически оглашенное на всю улицу ругательство.

– Алло? Да...Нет...Когда? И что я буду делать?

Короткие гудки.

Без мыслей в голове Митяй добрел до лавки и уселся рядом с парнем, докуривавшим сигарету. К Митяю начали приходиться бессвязные мысли полукриминального содержания. Пришлось потрясти головой. Помогло.

«Ладно, нормальные герои всегда идут в обход», – сказал себе Митяй и повернулся к парню.

– Старик, не знаешь, у кого тут можно наклянчить двести рублей на пиво?

– Не представляю, – ответил парень.

– Да? А что это у тебя курево такое странное? Трава?

– Стал бы я посреди города косяк забивать! Самокрутки.

– Похоже, я не по адресу.

– Бывает.

Митяй еще раз огляделся по сторонам. Перспективных контактов не наблюдалось. Да и кто сейчас согласится с ним разговаривать? Не бомж, но странный тип. Конечности, торчащие из мятой футболки и потертых шорт, покрыты татуировками. На лбу ссадины. Двухнедельная щетина. Вдобавок такой перегар, что на лету воробьи падают. Красавчик.

– Да не смотри ты на меня так. Не зэк никакой, просто татуировки, по приколу, – среагировал Митяй на косоу взгляд парня. – Ты извини, что подошел, начал деньги просить. Понимаешь, трубы горят, а все средства на карточке, а она у брата. Забрал у меня, чтоб не бухал. А я вторую неделю пью.

Отпуск у меня.

– Кто же проводит отпуск в Москве?

– А куда мне деваться? Дали вот три недели отпуска за боевые заслуги. В Москву поехал, к брату. А как приехал – сразу пить. Так бы и дальше, но брат карту забрал.

Он глубоко вздохнул. Проводил взглядом симпатичную девушку.

– Girl, you have great sneakers. I have a Jordan too!¹

Митяй указал на свои кроссовки, девушка улыбнулась и пошла дальше.

– Я просто очень «Джорданы» люблю, у меня дома коллекция из десяти пар.

– Круто, – оценил собеседник.

– Митяй.

– Саша.

Рукопожатие.

– Ты чего хмурый такой? Может, случилось чего? – поинтересовался Митяй.

– Да нет, все нормально. Так, заморочки небольшие.

– Долой заморочки! Хочешь я тебя прикольно, рэп свой зачитаю?

Не дожидаясь ответа, он стал читать что-то про кроссовки «Адидас». Получалось неплохо, определенный стиль у него был.

Закончив, рэпер воскликнул: «Улыбаешься! Значит, раз-

¹ Девушка, у вас отличные кроссовки. У меня тоже Джордан! (англ.)

веселил, значит, понравилось!». Это было правдой. На какое-то время Саша забыл о своих неурядицах. Но помог не речитатив. Уж больно ситуация получилось комичная. Мужик с похмелья подошел, попросил денег на выпивку, а потом ни с того, ни с сего стал читать рэп. Где еще, если не в Москве, может случиться такое? Может быть, в Питере, но там, скорее, прочтут стихи, нежели «погонят рэп».

– Я вообще стараюсь жить по приколу! – продолжал Митяй, – Вот, вроде дядька уже, тридцать три стукнуло, пора детишек растить, дом строить, что еще там... А я все – рэп, кроссовки, наколки. Вот сейчас волосы хочу отрастить, чтобы розовые дреды заплести! – он засмеялся. – Представь, сидишь ты в окопе, стреляешь... Раз, второй. Попал. Потом в тебя попали, а у тебя розовых дредов не было.

Солдат замолчал, опустил голову, попинал асфальт.

– Слушай, Митяй, я поеду, наверное.

– Ступай, и не смотри на часы так часто.

Александр встал, прошел метров пятьдесят и скрылся в метро. Митяй посидел еще минут десять и пошел искать двести рублей на пиво. Через тридцать минут он их нашел, через два часа был прилично пьян, вечером читал свой рэп в горьковском парке. Ночью спал на скамейке. На следующий день собрал вещи и сел на поезд. Спустя пару дней был в расположении части.

Розовые дреды он так и не успел сделать.

Настоящие москвичи не ходят в «Старбакс». Это место для приезжих, пытающихся прикоснуться к новой жизни, стать частью большого города, получить level up в комфорте. Олег был из таких, и посещал заведение минимум трижды в неделю. Обитатели сего рая – не самая плохая компания. Большинство посетителей – молодые, с ноутбуками, блокнотами. Целеустремленно стучат по клавишам, усердно пишут, бурно обсуждают что-то. Их объединяет идея – если не прыгнуть выше головы, то осуществить попытку у всех на глазах. На миру и смерть красна.

У любого клуба имеются желающие в него вступить. У популярной сети кафешек «Старбакс» – желающих хоть отбавляй. Совсем еще девочки и мальчики пытаются выглядеть чуть старше, обрести вес в обществе. Раньше они покупали сигареты на мамины деньги, чтобы добиться такого эффекта, теперь ходят по брендовым заведениям (тоже, правда, на мамины деньги). Почему так случилось? Сложно сказать. Видимо, виноваты маркетологи, а возможно... Хотя, нет, конечно же, маркетологи. Такие, как Олег. Создатели и жертвы своих созданий.

Сегодня Олег снова сидел в «Старбакс» и таращился в новый ноутбук с надкушенным яблоком на корпусе. Изучал «e commerce» – один из вариантов собственного дальнейшего

развития. Была, была у него основная работа, приносящая деньги, но этого мало. Требовалось что-то еще, просто для драйва. Олегу всегда были нужны дедлайны, чтобы «седалище пригорало». Так он полнее ощущал жизнь.

Девять вечера, следовательно, из офиса он уехал три часа назад. Впечатление, что он никогда не отдыхал, разве что в уборной, но и туда он брал телефон, чтобы проверять ставки на контекстную рекламу.

Прием готовой пищи – по расписанию, из заранее привезенных курьерами контейнеров, с подсчетом калорий. Это – чтобы не терять времени на покупку еды и ее приготовление, освободить время для работы.

Пока Олег отдавался любимому занятию, к нему незаметно подошел парень с рюкзаком за спиной, в котором вряд ли имелся ноутбук. Явно – случайный посетитель.

– Олешка! – закричали над ухом, – Засранец, как я по тебе скучал!

– Блин, что так пугаешь? Здорово!

– Ну, чего как неродной? Дай, обниму!

– Тише, Сашка, задушишь!

Теперь они были совершенно разные. Время и пространство сыграли злую шутку. Еще год назад, когда Олег не уехал покорять Москву, они вместе покоряли родной город. Каждый – по-своему, но вместе. Сейчас двое, выросшие в одном дворе, сидели друг против друга, и вспоминали свои приключения, детские и не очень.

На краткий миг работа была забыта.

– Какие планы? – спросил Олег.

– Особо никаких. Хочу по городу прогуляться. Москву посмотреть.

– Можем вместе пойти, только придется подождать, мне надо кое-что доделать.

– Давай.

Новоиспеченный москвич нырнул в ноутбук. Он ел глазами монитор, терзал клавиатуру и вполголоса ругался время от времени. Саша вначале спрашивал, что случилось. Слыша всякий раз: «да так», «ничего», «да нет, все в порядке», он перестал реагировать.

Через час-полтора, перед закрытием кафе, Олег вынырнул в реальность.

– Ну что, я готов. Пошли?

Тихое посапывание.

– Сашка, ты чего? Просыпайся!

– А? Я, вроде бы, задремал. Пошли.

– Возьми кофе, взбодрись. Я по четыре чашки в день пью, очень держит тонус.

– Ага.

– Куда хочешь сходить?

– Ты же тут «местный», вот и показывай.

Такси мчалось вниз по Тверской. Мелькали витрины магазинов, сверкали вывески. Разговор перетек из прошлого в настоящее. Олег рассказывал о своих делах и планах, о том,

что дал ему этот город и что еще может дать. Все чаще упоминался «презренный металл». Сашу это не напрягало. Он был рад за того, кто, кажется, нашел свое место в жизни.

Такси остановилось. Лубянка. Когда-то – страшное место, сейчас – одна из самых многолюдных площадей города.

– Ну, что тут? Показывай.

– Пошли, сейчас посидим, отдохнем в кальянной, потом решим, куда двигаться.

– Я думал, мы пройдемся немного, город посмотрим.

– Еще успеем, мне надо дух перевести, а то работаю сутки напролет. Надо же и отдыхать. Там круто, стекла прозрачные, вид на «Детский Мир».

– Ладно.

У Саши не было списка мест, которые ему хотелось посетить. Однако он не понимал, в чем смысл смены одного кафе на другое. Самый лучший способ познакомиться с городом – намотать по нему пяток-другой километров. Но спорить не стал.

Отдав дань дымному изобретению Востока, они отправились в одно из заведений Болотного острова, чтобы «найти приятные знакомства». Это решение Олег продавил ключевым аргументом: «Ты через день улетаешь, будет еще время. А завтра встанем пораньше и пойдем гулять... только я по работе дела доделаю».

Две смешливые девицы согласились продолжить общение в интимной обстановке. В принципе, ничего особенного. Та-

кое уже случалось.

Поехали на квартиру к Олегу. Центром мироздания был снова кальян. Девушки и Саша расположились на диване, хозяин уселся на стул и освободил для ноутбука место на столе.

– Вы извините, я скоро к вам присоединюсь, – обратился Олег к гостям.

Перед погружением в монитор он воткнул наушник в одно ухо, а второе предусмотрительно оставил свободным, чтобы хоть иногда участвовать в разговоре. Правда, он только вставлял ничего не значащие реплики и несколько раз «угукнул».

Ближе к рассвету Олег снова вынырнул.

– А где эти?

– Они ушли полчаса назад.

– Глупо получилось.

– Не заморачивайся, мне кажется, они не слишком обиделись. Давай лучше спать.

Это был их последний разговор в Москве. Конечно, они потом еще созванивались и переписывались в мессенджерах. Все реже и реже.

Утром, поспав часа три, Саша тихонько встал, умылся и ушел из квартиры. Олег проспал до обеда, потом поел из разогретого контейнера и отправился в «Старбакс».

Москва. Монументальная. Великая. Ненасытная. Манящая.

Днем – просто большая. С наступлением темноты она преобразается. Миллионы огней придают улицам помпезности и раздвигают пределы великого города до бесконечности. Дома обретают загадочность и надменность. Москва, которая днем проводит время в повседневных джинсах и бесформенной кофте, вечером одевается в платье до пят, с глубоким декольте. Притягательная и коварная.

Что-то меня потянуло на метафоры. Ну, а как же? А Патриаршие Пруды? Всемирно известные то ли благодаря булгаковскому Воланду, то ли – светским львам и львицам, оккупировавшим Патрики.

Уж полночь близится, а... я провел в Москве всего около трех суток. А сейчас осталось дожидаться рейса и улететь из этого заколдованного места далеко и надолго. Правда, очень далеко, на сотни и даже тысячи километров. А вот надолго ли? По Эйнштейну, все в этом мире относительно, и, в первую очередь, время. Но даже если не вдаваться в науку, я действительно не знаю, смогу ли покинуть Москву навсегда, не считая коротких гостевых визитов?

Интересно, а как долго Олег решался? Видно, долго взвешивал, продумывал каждое телодвижение, каждый финт.

Или махнул на все рукой, просто взял билет и улетел? Надо было спросить его раньше, сейчас он не ответит, а если ответит, то вряд ли честно. Мне кажется, он стал частью города. Пошло ли это ему во благо? Надеюсь, да. Он на прямом пути к своей цели, и неважно, в чем она заключается. Только вот, остался ли он собой?

Я заканчивал третий и, возможно, лучший – самый стремительный круг по дорожке вдоль пруда. Смешно, только некому рассказать. Меня всегда веселил тот факт, что «Патриаршие пруды» – во множественном числе, но пруд-то всего один. Разгадку знают только коренные москвичи и экскурсоводы. Ни тех, ни других рядом не наблюдалось. Да и есть ли «москвичи» в Москве или это все выдумки, и они давно вымерли?

Здесь красиво. Фонарики отражаются от воды и мокрых листьев. Посреди пруда – маленький домик для лебедей. Всего два лебедя на такой большой пруд, а еще говорят, что места в Москве не хватает. Может быть, для меня найдется?

В конце концов, нашла же свое место та потерянная девица из клуба! Готов поспорить, что она приехала учиться и осталась навсегда. Наверняка не глупа, даже умна. Но зачем ее понесло в этот «техно-ад»? За острыми ощущениями или просто за компанию? Вряд ли она постоянно посещает такие места. Те, кто «принимает» не впервые, уже научились контролировать себя, не уходят в никуда. Они – в центре танц-пола, они отдаются стихии яда и, то ли призывают демонов,

то ли бьются в припадке.

Как же ее звали, имя еще такое... Универсальное. Да, Женя. Умненькая и глупенькая Женя, это люди или город на тебя влияют? Люди, ставшие городом, которых изменил город, на который влияют люди... Стоп!

Может, ну его? И что я заиклился на этой Москве? На ней мир клином сошелся? Ведь еще столько городов, стран, континентов! А что я видел? Что я внукам расскажу? Дорогие малыши, ваш дед вместе со своим неразлучным Альцгеймером остался навсегда в Москве. Здесь его и похоронят.

Может, действительно, ну его к черту! Приеду домой, уволюсь с работы, продам все вещи, куплю велосипед и поеду, куда глаза глядят. Стану гражданином мира, отращу бороду, посмотрю свет! Жизнь, полная впечатлений мне обеспечена.

Но разве сейчас я не лукавлю сам с собой?

Я вспомнил Митяя, слишком честного, слишком страшного, слишком правдивого.

Стоит ли жить в городе возможностей и бежать из него, даже если этот бег происходит лишь в твоём воображении? Стоит ли вообще жить, если сама жизнь – это только цель? Нет ответов на вопросы. Потому что ответ и вопрос для каждого свой. А каков мой вопрос и как я на него отвечу – мое дело.

Скоро самолет, пора идти. Я достал старенький плеер. Музыка не обновлял несколько лет. Случайное воспроизведение и первый шаг.

Прощай или до свидания, Москва.

От слова «худо»

– Когда начинается «на грани»? И где сигнал о том, что все летит в тартарары? Почему за мгновение до полного краха вокруг не кричат хором: «Остановись»?

Я поздно спохватился. Уже растаяли сбережения в тех заведениях, где не положено думать о смысле существования.

Внешне я оставался прежним. Ходил на работу «пять на два», принимал пищу, встречался с друзьями, бегал по вечерам в среду и субботу, катал мяч по паркету. Разница между «до» и «после» в том, что только «после» ты понимаешь бессмысленность всех своих занятий. Они просто заполняют пространство и время.

Ставки на спорт. В результате я вышел в ноль по выигрышам и проигрышам. Сотни часов в онлайн-режиме, в состязаниях по истреблению всяких монстров. Куча фотографий девушек и парней в поиске совпадений. Найдя их, никому не написал и не ответил. Просмотр порнографии превратился в хобби, потом в заболевание, потом в рутину, а еще чуть позже – сошел на нет. Дальше: рыбалка, плавание, вейк-борд и т.д. Ничто не удержалось в топе дольше, чем на месяц. Останки этого барахла до сих пор разбросаны по квартире. Ракетки, спиннинги, доски, книги. Книги, кстати, особь статья. Вся литература, которая, по заявлениям авторов, могла перевернуть мою жизнь, стоит отдельной колонной. Это

– подставка для коробок из пиццерии. Более толкового применения им я не нашел.

Вот так. Ничто новое ни на грамм не разбавило рутину, поэтому я все оставил, как было «до». Зачем менять шило на мыло, если ни то, ни другое на фиг не нужно? Вдобавок, все это не содержит в себе интриги, недосказанности, незавершенности, тайного смысла. Скучно и просто, просто и скучно.

Разве что, рисование осталось не до конца понятным действием. Правда, весьма бестолковым, чтобы на него тратить время, и слишком мудреным, чтобы извлечь из него практическую пользу. И все же принадлежности для рисования были не розданы знакомым, а почетно свалены в отдельном углу, где коварно дожидались своего часа. От судьбы не уйти. Ржавый обрез, небрежно брошенный на трюмо рядом с веером и жемчужным колье в первом акте, обязательно опустится на голову в последнем.

Первый акт разыгрался в баре. Причем, в баре не простом, а «нашем», для завсегда. Для людей на одной волне, одинаково задолбанных жизнью. Залетные, правда, здесь тоже бывали, и вели себя уважительно с угрюмыми аборигенами.

И вот, однажды... Да, именно так. Однажды, поздним вечером, занесло в «наше» заведение компанию безобразно веселых типов. Они шумели и радовались жизни. Каково, а? Самый мерзкий из них постоянно скалился и заигрывал с немногочисленными девушками. Еще он постоянно хвастал-

ся, размахивая своим планшетом. «Вы так можете?». «А все говорили, что в этом ничего нет!». «Ну, и кто теперь бездарь?». Так и сыпал. И, можете себе представить – его приятели его поддерживали!

Да, парню надо было дать укорот. Поставить на место, черт возьми. Вышвырнуть на улицу. Никто и слова не сказал бы. Но поступить так, значит, пойти наперекор своим же принципам и местным традициям. Нет, для начала следовало понять причину его самодовольства. Делать ничего не пришлось, он сам подставился. Подошел павлиньей походкой к бару и давай заказывать выпивку, а я – тут как тут.

– Добрый вечер. Извините за любопытство, но что за повод у вас для такого веселья?

Раз он так орет о своих достижениях, значит, гордится ими. Расскажет, как миленький. И – точно.

– Добрый. Если расскажу, вы мне не поверите.

– Ты расскажи, а там посмотрим. Может, не просто поверю, но еще и выпью за тебя.

– Слышал про галерею в Кирпичном переулке? Там уже две недели выставляются знаменитые художники современности, а сегодня был итоговый аукцион. Мало того, что мне удалось попасть туда, и моя работа выставлялась наравне с такими художниками как ... (последовало перечисление известных имен). На аукционе моя работа была продана за рекордную сумму!

Тип разблокировал телефон, и на экране возникла зара-

нее заготовленная страница с самой картиной и ее стоимостью. Я онемел. За вот это? Вот столько?! А он бухтел про свою недооцененность, про то, как преподаватели над ним в академии издевались, и что они теперь будут локти кусать, раз не дали ему, такому-растакому, доучиться.

Он явно рассчитывал, что я его поддержу. Но я сказал много обидных слов. Ему бы послать меня подальше или по морде заехать, а он стал спорить. Кому и что он пытался доказать? Мне, который акварель от масла не отличает (ну ладно, это я, конечно, слегка загнул). Вот я ему сдуру и говорю, что так рисовал в начальной школе на продленке. А он, парень – не промах, отвечает: «Давай поспорим с тобой, если ты так в себе уверен!». Сдавать назад было не комильфо: «наши» смотрят, да и я злой, как черт. Согласился. Условия простые: создать и продать картину на следующем аукционе. Ударили по рукам, обменялись контактами и разошлись.

Все могло на этом закончиться. Всякое бывает, когда выпьешь. Но мне до жути захотелось поставить этого типа на место и доказать ему: все, что мы делаем, ничего не стоит. Утром я отсмотрел то, что когда-то намалевал. Это даже набросками нельзя было назвать.

Ладно, была, не была! Взял чистый холст, и давай по нему возить туда-сюда. К вечеру закончил. Получилось ничуть не лучше, чем все предыдущее. Пробовал еще, но без толку. Квартира превратилась в обитель сумасшедшего маляра. Кисти, валики и карандаши вместо вилок и ложек. Почетный

угол с холстами стал алтарем самоуничужения. Здесь валялись вещественные доказательства всего, что я перепробовал: различные стили, видео в интернете, учебники, подражательство. Кстати, поручите всезнайке нарисовать «Квадрат» Малевича. Это мигом поставит его (всезнайку) на место. Сам пытался, ни черта не получилось.

В общем, я на месяц исчез со всех радаров. Меня потеряли сотрудники, друзья и знакомые. Точнее, я потерял телефон, дабы не искушать себя возвращением в мир. Если бы мне раньше сказали, что, отрекшись от всего, раскидав мебель вдоль стен, я буду то и дело уничтожать очередной «шедевр»...

Но тут-то меня и осенило, что в этих бесплодных попытках созидания и есть то, что имеет смысл, есть само странство жизни.

Мы созвонились, выбрали место и дату. Встретиться договорились на месте, минуя промежуточные фазы для чистоты эксперимента. Видимо, этот мальчишка был не последней фигурой в художественном мире, раз смог продавить участие в аукционе картины неизвестного художника. Это произвело бы на меня впечатление, если бы имело хоть какое-то значение.

Завернутый в ткань холст я принес в условленное вре-

мя. Ох, как хотелось забить на все и уйти, не оставляя ни паролей, ни явок! Меня уже не грело кому-то что-то доказывать. Мною уже было приобретено гораздо большее – радость творчества. Но спор есть спор. Да и слишком поздно.

Он отворил дверь, увидев в окне мою кислую физиономию.

– Когда назовут твое имя, выйдешь и поставишь холст в центре зала. Если захочешь, сможешь сказать пару слов о работе, так, для разогрева. Перед тобой – еще трое.

Поджилки тряслись. Богатые циники в зале лениво поднимали таблички, оценивая труд художников в денежном эквиваленте. Это было невыносимо. Кто они такие, какое право имеют судить и приговаривать, вершить судьбы? Тогда я еще не понимал, что это все – ерунда. Так, антураж, оболочка мероприятия. Просто те, кто может себе позволить тратить деньги. Истинные же злодеи – критики – сидели, не шевелясь, строчили в блокнотах и шлепали по клавишам ноутбуков.

Распорядитель назвал мое имя. Прорываясь сквозь вязкий воздух, я чувствовал на себе десятки пар глаз, прожигающих насквозь. Установить холст долго не удавалось. Со всем нервы расшатались. Было страшно за саму картину: вдруг какой-нибудь из «этих» нечаянно прожжет ее взглядом? В общем, дурдом. Но отступать было нельзя. Собрав в кулак волю и оберточную ткань, я обнажил свою Галатею. Молчание было мне ответом, и этот ответ явно затягивался.

Решив разрядить обстановку, я принялся мямлить какую-то чушь. Меня прервал стук распорядительского молотка. Восприняв это как добрый знак, я покидал сцену, сопровождаемый его барабанной дробью. Больше ничего не слышал.

Не знаю, как такое получилось. Возможно, сыграл роль мой гамлетовский внешний вид. Или трубным гласом прозвучало благоприятное мнение какого-то именитого критика. Не знаю. В конце концов, почему картина не могла получиться действительно хорошей?

– Уважаемый НН, может быть, вы хотите что-то добавить? Так сказать, в напутствие начинающим живописцам.

– Нет, пожалуй, это все. Именно так я стал художником.

Пять проблем на Фонтанке

На ребре. Не орел, и не решка.

Неуверенной, нервной рукой

Передвинута черная пешка

Раз, другой...

Проблема 1. Костик

Рваная, засаленная, отсыревшая наволочка на старой подушке. Простыни нет. Джинсы с растянутыми коленями. Массивные гавнодавы на босу ногу. На продавленном диване спит Костик. Кроме него, в комнате имеется еще несколько полутрупов. В основном – на полу под тряпками и зимними куртками.

Притон. Этот термин используют бабушки, несущие наблюдательные вахты у подъездов, желтая пресса и телеканалы, специализирующиеся на криминальной хронике. Аборигены называют это место «точкой».

Хозяина здесь нет. Был давным-давно какой-то тип, которого никто не знал, но все о нем слышали. Коммуналка регулярно оплачивается всем миром. Интерьер формируется из бросовой мебели. Еда готовится на всех. Кто успеет к раздаче, тому повезло. Ключей от квартиры по всему городу гуляет штук тридцать, но непонятно зачем: входная дверь никогда не запирается.

Здесь можно все, если обитатели не возражают, а они никогда не возражают. Костик вчера шаманил. Эффектно, страшно и увлекательно. Сегодня – отходняк. Не до танцев с бубнами. Главное – выбраться из собственной, сжатой чугунными обручами, черепной коробки.

Слабый луч северного солнца пробился сквозь грязные

окна и коснулся головы Костика. Чувствуя, как в больном мозгу возникает дыра с рваными краями, Костик застонал и закрылся подушкой.

Костик уже давно перестал фиксировать числа, дни недели, праздничные даты. Остались только сезоны, раздражающе регулярные. Все дни превратились в серую кашу, в которой приходится все время барахтаться, чтобы догнать собственный хвост.

Тощее тело оторвалось от дивана. Сейчас душ был бы очень кстати, но пожелтевшая чугунная ванна приспособлена для складирования мусора. Все водные процедуры пришлось принимать в раковине, такой же желтой, как и ее старшая сестра, зато без посторонних предметов. Дежурный обмылок, холодная вода. Ладно, попытка засчитана. Вместо полотенца – футболка, вывернутая наизнанку.

На кухне засвистел чайник. Надежда на завтрак призрачна, но кипятка точно дадут. Если повезет, то с сахаром.

За круглым столом сидели двое. Тот, что разливал кипяток по чашкам – Антон, местный старожил. Знаком с ним Костик весьма поверхностно, хотя они регулярно пересекаются в «точке». Второй – незнакомец, но, раз он здесь, значит, свой.

– Чайком угостите?

– Ромашковый. Будешь?

– Мой любимый. Какие планы?

– План – вырубить план, – хохотнул незнакомец.

«Парень, конечно, дурак, но ход мыслей у него верный», подумал Костик. Накинул первую попавшуюся куртку, кожаную, с торчащими из прорех клочками меха, и отправился на встречу с зимним Петербургом.

Трамвай отсчитывает булыжники на мостовой. Перебираются варианты: у кого можно занять денег или взять «что-нибудь». С каждой остановкой, с каждой улицей выбор все меньше. Да есть ли он, выбор? Конечно, есть. Выбора нет только у законченных наркоманов, которые просто снимают ломку. А он кто? Исследователь? Экспериментатор? Или эксперименты давно закончились, и ЭТО – уже стиль жизни?

Сегодня просится нетривиальное решение. Некий финт ушами, сальто-мортале через пупок. Можно съездить к Киру. Да, у него всегда есть что-то необычное, что-то новенькое. Отлично. Выбор сделан. Мозг не напрягать, не требовать от него невозможного. Не начинать «сезонный поиск приключений». Последний был весной восемнадцатого и закончился в трехстах километрах от Якутска под шкурой оленя. Нет уж, хватит экстрима. Не надо встречаться с «личной пятой колонной». Иначе захочется ее исследовать, а это грозит такими напастями, что шансы выбраться из них без потерь равны нулю.

Трамвай наполняется и пустеет. Сиденья с подогревом

предлагают гражданам разнежить «пятую точку», а затем выпрыгнуть в жгучий январский ветер.

Костик задремал. Он плыл на каноэ по каналам города. Вместо весла в руках держал большой желтый карандаш. Отталкивался от дна тем концом, на котором ластик. Плавание началось от Английского проспекта по каналу Грибоедова. Тишина вокруг. Нет людей на набережных, нет машин на улицах.

Возле Крюкова канала он впервые задумался о том, куда и зачем движется, и тут все вокруг изменилось. Дома стали окрашиваться в розовые, фиолетовые, голубые, оранжевые цвета, превращаясь в пеструю спираль. Закрученная радуга вынесла Костика к Львиному мосту. С него спрыгнул Брюс Ли. Сложив кулак и ладонь в приветственном жесте, он поклонился, и началась битва. В момент, когда, казалось бы, бой был проигран, птичьи когти схватили азиатского мастера и унесли в сторону Адмиралтейства. Пока Костик отряхивался и приходил в себя, рядом с ним опустился Чижик-Пыжик.

– Ну, и как ты, Константин, до такого докатился? – птица говорила, как чревовещатель.

– Не докатился, а доплыл.

– Умничаешь?

– Не умничаю, а истину глаголю.

– Ах, глаголишь... Это ты, брат, зря. Теперь сам выбирайся.

– Напугал! Я всю жизнь сам. Один. Никто мне не помогал и помощи я не просил. Тем более у птиц. А будешь нотации читать, получишь по клюву веслом!

Костик стал искать карандаш, но тот исчез. Чижик вспорхнул и прокаркал: «Помни, когда придешь за прощением, одевайся теплее, потому что долго придется его вымалывать».

Птица улетела. Сон закончился. Трамвай приехал на кольцо.

Когда-то бордовая, а сейчас бурая, обитая дерматином, деревянная дверь. Последний рубеж. Сфинкс с загадками, которые нужно решить, чтобы добраться до цели. Ирония в том, что сам сфинкс и был загадкой – как попасть на ту сторону? Стучаться бесполезно. Под обивкой вата, как зыбучий песок. Звонка нет, только два проводка торчат. Костик соединил их, но без толку. Под ковриком вместо ключей лежит пустая упаковка из-под жвачки. Ничего не оставалось, кроме как достойно принять поражение. Он уселся на ступеньку и закурил.

– Совсем совесть потеряли! Смолят прямо в парадной!

Думать надо о других! Сталина на вас нет, а то бы быстро...

Окончание монолога вместе с бабкой вытекло на улицу.

– Все, антракт! Чего расселся, проходи, – высунулась из двери голова Кира. – Не туши, дома курят. Снимай обувь, куртку и двигай на кухню. Сейчас будем чай с чабрецом пить. Только из комнаты стул себе принеси.

Это – сигнал: сидячих мест на кухне не хватает, значит, еще кто-то есть в квартире. А чайная церемония – развлечение, пока ты ждешь своей очереди.

Костик поставил принесенный стул и огляделся. Все лица ему знакомы. Славик – редкий гость, заходит к Киру только при острой необходимости. Второй (вот так штука!) – тот самый утренний тип в «точке», чьего имени Костик не знал. Хозяин квартиры разливал кипяток по чашкам с заваркой, рассказывал о пользе разных трав-мурав и том, когда следует использовать тот или иной компонент.

– Вот, например, чабрец. Обыкновенное растение, которое бабушки с дедушками пестуют на огородах и добавляют в чай для улучшения вкуса. Почему именно эта травка? Дело в том, что чабрец способен влиять на нервную систему, делать ее устойчивее. При таком положительном эффекте...

– Извиняюсь, – закричал Славик, размахивая вибрирующим телефоном и пробираясь к двери на кухню.

– Ну, так вот, – раздраженно продолжил Кир, – есть у меня кое-что интересное и почти даром. Только давайте дождемся пока этот (он кивнул в сторону двери) уйдет.

– Для нас?

– Именно. Вы не зря сегодня зашли. У меня есть нечто совершенно особенное...

Ход презентации нарушил вернувшийся Славик.

– Кир, извиняй, надо бежать. Давай быстренько посчитаемся, и я отчалою.

– Уважаемые гости, пейте чай.

Кир вернулся недовольный.

– Платит исправно, но такой некультурный, что хоть меняй номер телефона... Итак, представляю вам коктейль собственного производства. Рабочее название «мать-и-мачеха». Кто есть кто, решайте сами. Предупреждаю: смесь крепкая, даже убойная.

– Кир, ты меня давно знаешь, я тебе доверяю и ценю нашу дружбу. При всем при этом бесплатный сыр, как известно...

– Чтобы тебе было спокойней, воспринимай нас всех как фокус-группу. Вы ребята с опытом. Мне требуется ваше профессиональное мнение. С учетом технологических особенностей и прочего, оно поможет внести корректировки в рецепт.

Видя сомнение на лицах, «травник» уточнил:

– Курить будем втроем.

После этого он достал небольшой сверток фольги и пипетку. Произведя необходимые манипуляции, протянул «трубку мира» человеку без имени.

– Где мы? – пролепетал очнувшийся Костик. – Где Кир? Сколько времени?

Вместо ответа безымянный взял Костика за плечи, встряхнул и прислонил к каменному столбу, соединяющему чугунные решетки.

– Фонтанка? Мне нельзя тут быть! Пойдем, пойдем отсюда скорее! – Костик попытался оторваться от опоры и побежать, но ватные ноги не слушались. – Нам нужно укромное место. Знаешь такое?

Молчун указал пальцем на ближайшую подворотню, потом махнул рукой, мол, двигай за мной. Отряд из двух человек очень медленно преодолел пятиметровую дистанцию, полную опасностей и необычайных явлений. Дорожное покрытие превратилось в застывшую лаву с горными реками и порванными висячими мостами. Кирпичная арка во двор стала входом в пещеру, охраняемую нимфой. Несколько ступенек перед входом выглядели, как горный перевал.

Укромное место оказалось шумным баром, в котором не было никакого желания останавливаться. Костик перетек к стойке, взял себе и спутнику воды. Много воды.

Незнакомец рядом угостил его какой-то настойкой.

– Пойду на лестницу курить. Здесь как-то страшно, – сообщил Костик угостившему его вместо благодарности.

Молчун последовал за ним, щедрый парень – тоже.

Втроем дымили на лестнице, которая превратилась в курилку. Возможно, все так и закончилось бы: докурили и разошлись. Но Костик вспомнил о своем шаманском предназначении и решил защитить пространство от злых сил.

– Зачем пепел по углам разбрасываешь? Вон, специальный стакан стоит.

– Это моя миссия, если хочешь. Не все могут похвастаться тем, что есть у меня. Не всем это знание необходимо. Наверное, оно и к лучшему, иначе бы народ с ума посходил, – обыденно поведал Костик.

– О чем ты?

Скептическая улыбка на лице незнакомца. Абсолютно та же, что у тысяч других глупцов, которые ничего не понимают или не хотят понять. Костик давно не обижался на такую реакцию. Чего требовать от незнаек? Лучше в очередной раз показать, что их на самом деле окружает.

– Наш мир не то, чем кажется, он многослоен.

– Многослоен, как что?

– Как капуста. Чтобы этот мир продолжал расти и процветать, нужны такие люди, как я. Называться мы можем по-разному. Главное, что мы выполняем свою миссию. Видел ли ты в нашем славном городе темных сущностей? Нет! Это потому, что я и мои собратья разбрасываем пепел и бережем покой таких, как ты.

– Слушай, чувак, я не совсем понимаю, во что ты веришь.

Да мне, по большому, счету – без разницы. Просто закончивай нести фигню, хотя бы при людях.

Тишина. Даже музыки из бара не слышно. Только потрескивает сгорающий табак в сигарете. Костик оказывается лицом к лицу с оппонентом.

– Хочешь, я покажу тебе, насколько глубока кроличья нора? Объясню, где и как сильно ты ошибаешься? Все здесь, в моем кармане, только протяни руку и спроси.

– Иди ты сам в эту нору! Делай, что тебе хочется. Главное, чтобы ты был доволен. Других только не надо впутывать.

Костик дождался, когда они с молчуном останутся наедине.

– Знаешь, чего я все никак понять не могу? Становятся ли проблемы таких, как он, моими, если решаю их я? Ладно, все это лирика, давай еще по одной.

Затяжка, задержка дыхания, чтобы дым пропитал легкие, и дурман проник в кровь. Выдох. Повторить. Количество повторов зависит от того, как долго ты находишься «в себе». Если меньше десяти минут, то лучше прерваться.

В выданном экспериментальном наборе не осталось ничего, ни крошки.

– Сейчас умоюсь, и встретимся в баре, – серьезным тоном сообщил Костик.

Ступеньки превратились в пандус, а гладкие стены коридора – в бесконечную гармошку, сжимающуюся и растягивающуюся в такт барной музыке. Шаг за шагом Костик преодо-

левал лабиринт. Достижение цели оправдает эти мучения.

Заветная дверь распахнулась сама, словно туалет ждал шамана, надеялся на его скорый приход. Костик телепортировался к желтому умывальнику.

Пол залит водой. Шлепающие шаги. Женский крик. «Что происходит?» Костик без всякого стеснения распахнул туалетную кабинку. Опершись на фанерную стенку, стояла девушка, закрывая лицо руками. Из унитаза вытекала вода. В сливном отверстии виднелся трупик рыжего котенка.

Пазл собрался. Необходимо действовать, чтобы предотвратить нависшую над городом угрозу. Ворвавшись в бар, он сразу нашел молчуна.

– Мне срочно нужна твоя помощь! Ты должен выполнить все, что я тебе скажу, и не задавать никаких вопросов!

Молчун тупо и преданно смотрел на Костика.

– Оглянись вокруг! Ты думаешь, где мы? Это не чертов бар, это пропасть. Люди тут не понимают, что происходит. Они в сумерках сознания. Мы должны спасти их! Когда я подам сигнал, ты уже должен стоять перед огнетушителем и орать, чтобы все покинули помещение. Понял? Хорошо! Доверяй мне и жди сигнала.

План сформирован, осталось найти компоненты для его реализации. Первым делом, выбежав в коридор, он снял футболку и достал из кармана зажигалку. Необходимо горючее. Водка в этом смысле ненадежна. Костик переместился на этаж ниже. Здесь играла музыка. Ведомый интуицией, он

вошел через проем, перекрытый куском полиэтилена.

– Прошу прощения, что отвлекаю, мне необходимо тут кое-что забрать.

Никто в этом недоделанном баре не был против. Возможно, его приняли за строителя. В подсобке Костик нашел искомое. Облив растворителем футболку, он запихнул ее вместе с бутылкой в карман. Вернулся в бар.

В эпицентре угрозы персонал отсутствовал. Молчаливый помощник занял отведенную ему позицию. Пора начинать. Местом для акции был выбран диван, обитатели которого танцевали в гипнотическом трансе. Шаман запихнул в диван перевернутую бутылку растворителя, попутно расплескав содержимое на край шторы. Туда же отправилась футболка с начинкой. Щелчком зажигалки Костик поджег футболку. Он не был никем замечен. Исковерканные безумием лица кружились в танце во славу темных сил.

Запах от разгорающейся мебели уже чувствовался, но выводить народ было еще рано. Если огонь слишком быстро потушат, адский вертеп снова заработает. Костик пошел в другой конец зала, толкнув одного из посетителей. Тот, падая, схватился за соседа и зацепил пару бокалов со стола. Завязалась потасовка. В это время огонь перекинулся на штору.

Костик дал отмашку молчаливому поделельнику.

– Уважаемые гости, в срочном порядке покиньте помещение! Повторяю, все на выход! У нас пожар!

Гости ринулись в разные стороны. Музыка захлебнулась.

Пространство заполнили вопли. Никто не искал огнетушитель и не задавался вопросом, почему не работает пожарная сигнализация.

– На улицу, живо! – орал молчун. Костик теснил толпу в коридор, направляя ее к лестнице.

– Бежим отсюда! – шаман схватил коллегу за шиворот. Чей-то истерический крик добавил «спасателям» прыти. Огонь охватил половину бара и не собирался останавливаться.

Снаружи холодный воздух ударил в лицо. Далекий, пока еще, шум сирен призывал не останавливаться и бежать дальше. Толпа, скопившаяся во дворе, реагировала на события тройко. Кто-то снимал происходящее на камеру, кто-то орал в телефон, а кто-то искал виноватых.

Двое, выбежавшие последними, привлекли всеобщее внимание. Костику удалось миновать заградотряд, молчуну не повезло. Шаман, как лидер, мог бы вернуться за плененным товарищем, но – на войне, как на войне. Костик утешал себя тем, что не бежит с поля боя, а спешит разобраться с главным виновником произошедшего.

В куртке на голое тело он ковылял по набережной Фонтанки под звуки сирен. Преодолев Пантелеймоновский мост, остановился против двора, куда съезжались пожарные машины.

– Чижик ты, долбаный! Просто – конченная гнида! – заорал Костик.

– Дураком ты был, Костик, дураком и останешься! – ответил ему памятник. Взмахнув крыльями, он поднялся в воздух и ударил бронзовым клювом в лоб шаману. Тот потерял сознание, обмяк и повалился на тротуар.

Проблема 2. Нина

Просто зла не хватает! Нина то и дело всплескивала руками и громко произносила разные неприличные слова. Мысли скакали, как бешеные бурундуки. «Нечего надеть», «где оно лежит», «почему эта прядь торчит влево, когда она должна торчать вправо, и под другим углом». Срочные сборы могли иметь в итоге самые разные последствия. От звонка «бывшему» до авиаперелета за границу.

Ах, как важно иметь под боком кого-нибудь, способного разрядить ситуацию! Например, маму с ее житейской мудростью. Или мужчину, на котором можно сорвать злость, если он не догадается вовремя сказать: «какая ты у меня красивая». А лучше всего – кота, в нужный момент проходящего мимо, задирая пушистый хвост. Никого из вышеперечисленных персонажей поблизости не наблюдалось. Мать – в сотне километров, с мужчиной как-то не сложилось (да не особо и хотелось). Кот был самой доступной и, тем не менее, не сбывшейся мечтой. Да, без кота – жизнь не та...

Некоторые желания осуществить можно легко. Вот просто – взять и купить. Тем более, рынок котов изобилует предложением. Рыжие и черные, с родословной и бесплатные, старые и молодые... Нужно только забрать. Но Нине хотелось совершенно иначе. Кот должен появиться сам собой, как сказочный принц. Вот ты не думала, не гадала, а

он уже здесь. Днем дерет обои, а ночью не дает спать. Прелесть! Будь у нее пушистый пират, жизнь заиграла бы другими красками, это уж точно. Все бы наладилось, появилась бы гармония. Но годы шли, а кота все не было.

Нина уже на час опаздывала на ежегодный шабаш с подругами. Только сейчас ей попался под руку универсальный и потому любимый комбинезон. Ну, теперь опоздание – не катастрофа. У каждого в гардеробе должна присутствовать такая волшебная вещь, способная преобразить не только внешность, но и настроение. В течение двадцати минут такси было вызвано, образ завершен, допинг (полбокала белого вина) принят.

Петербург облучало июньское солнце. Прохожие раздевались на ходу. Вода в каналах нагрелась до совершенно невменяемого состояния. В желтом корейском седане не хватало таблички «Сауна». В открытые окна врывались комья спрессованного раскаленного воздуха. Кондиционер подписал безоговорочную капитуляцию и раздраженно жужжал.

В такие моменты думать категорически не рекомендуется. Исключение – мысли о стакане с содовой, венчающем гору колотого льда. Все остальное – несистематизированный бред. «Хочется под кондиционер. Вот бы иметь собственную машину с кондиционером. Обязательно – красивую, напри-

мер, салатovou. Такой цвет мне всегда был к лицу, как то платьe из Италии. Я буду ехать, а все будут смотреть на меня и завидовать. Если брать машину, то сразу хорошую, а если хорошую, то дорогую, а если не дорогую, то в любом случае нужны деньги. А это кредит. А у меня еще ипотека не выплачена. Да еще расходы на ремонт, страховку. Резину нужно менять. Это же все очень сложно, а главное – куда на ней ездить? До работы – две станции на метро. Еще обучение и экзамен на права. Как хочется под кондиционер!»

Пока это ирландское рагу бурлило в голове у Нины, она варилась внутри такси. Проезжая мимо уже полураздетых туристов, судорожно бросающих монетки в Чижики-Пыжика, Нина поняла, что мучение заканчивается. До места назначения оставалось несколько минут.

– Ой, девчонки, простите! – начала Нина традиционный щечно-поцелуйный обход. – Это все таксист. Я ему говорила, что лучше не ехать по кольцевой...

– Главное, что ты здесь! Мы уже заказали тебе апероль, садись.

– С днем рождения, моя дорогая! – опоздавшая обняла виновницу торжества и заняла свободное место, перед которым стоял запотевший бокал с коктейлем.

– Привет, я что-нибудь пропустила? – жадно сделав пару

глотков, спросила Нина у подружки, сидевшей рядом.

– Пропустила? Тут такое с Лерой... Я даже не знаю, стоит ли говорить, все -таки, это личное.

– Да брось, говори. Лерка мне потом в любом случае все расскажет, а так я буду в курсе дела, и морально готова.

– Ну, слушай. Мы решили встретиться пораньше, чтобы собраться, подготовиться. Сама понимаешь.

– Постой. Кто эти «мы»?

– Ну, я и Катя. Так вот, пришли мы к Лере домой, поздравили, игристого выпили. Начали собирать Леру. Она, сама знаешь, пока все не перемерит, из дому не выйдет. Нет, это нормально, если бы смысл был. А она постоянно выбирает в итоге свое универсальное черное платье. Оно, конечно красивое, брендовое и так далее, но зачем тогда столько новых покупать? Еще я заметила, что она какая-то дерганая. Телефон пищит, вибрирует. Понятное дело – все ее поздравляют. А она сообщения читает, но не отвечает. Я сразу поняла, что это из-за Вани, но виду не подала, не хотела обострять. А Катька ступила. Спросила, придет ли он сегодня. Ну и все, Лера – в слезы, еле успокоили. Потом она вкратце рассказала, что случилось. Это пусть она тебе сама поведаст.

– И все?

– Не все. Видишь, корзина с цветами в углу стоит? Это от Вани. Буквально перед твоим появлением он заезжал.

– И?

– И ничего. Зашел с корзиной, стоял, как идиот, в центре

зала. А она делала вид, что его не замечает. Ну, потом он подошел, позвал поговорить.

– Вышла?

– Конечно, вышла. Разговаривали минут пять, не больше. Вернулась уже без него, но с цветами. Сказала, давайте отмечать. Тут ты уже приехала.

Нина выпила второй бокал, потом третий и четвертый. Праздник проходил по классическому сюжету. Фотографии, разбитая посуда, букеты цветов, смена гостей, танцы, оплата счета. В промежутках Нина пробовала размышлять над историей Леры. Алкоголь в крови охотно подсказывал идею самообвинения: во всех передрыгах Леры и Вани виновата она, Нина.

Очнувшись и осознав пагубное влияние спиртного, она бросила эту затею. Человеку, не способному выстроить собственные отношения, не следует рассуждать о чужих.

Компания шла по набережной Фонтанки, напоминая городу о том, что жизнь – это не только монотонные будни с перерывом на обед. Это еще смех, веселый гомон, песни и поцелуи.

– Нин, ты как? У тебя все в порядке?

– Что?

– Говорю, у тебя все в порядке? Все нравится?

– Да, конечно. Лера, отличный день рождения, еще раз поздравляю.

– Спасибо. Ребята предлагают пойти в бар «Стирка», ты как?

Нина пыталась придумать причину для отказа, но мозг, подкупленный алкоголем, отказывался помогать, явно играя на стороне соперника.

– Давайте.

– Ну, и отлично. Если что не так, ты сразу мне говори. Ребята, идем в «Стирку», мы вас догоним. Хочешь узнать про Ваню?

– Если ты не против.

– Не против, ты же моя подруга. Если в двух словах, то я выхожу за него замуж.

– Он сделал тебе предложение?! – у Нины разом исчез меланхолический настрой.

– Пока нет, но это произойдет совсем скоро. Я соглашусь, потом родим мелких... если повезет, то не разведемся. Остальные составляющие: квартира, машина, помощь семейного психолога... – Лера засмеялась и замолчала.

Они прошли через двор-колодец, освещенный неоновыми вывесками баров и закусочных. Нина переваривала слова подруги, и только сейчас поняла, отчего ей здесь все так знакомо, и почему поползли мурашки по коже.

Полгода назад она была здесь, и, если бы что-то пошло иначе, то про замужество, квартиру и семейного психолога

сегодня рассказывала она.

– Наша встреча была неизбежной! Это – как дождь в пустыне. Да! Не надо смеяться!

Не скажу, что у меня была депрессия, но несколько месяцев все валилось из рук. Работа шла как-то сама собой, хоть и был новый проект, и я им руководила. Все само тянулось... рутина. Мальчик? Мальчик то был, то нет. Это я сейчас только понимаю, что он появлялся, когда ему нужно. Классика. Ощущение, что мы все проходим через таких типов. И вопрос в том, вынесла каждая из подобных отношений хоть что-то или так и осталась наивной душой.

Вот, представь, у меня через неделю отпуск. Этот так называемый «мальчик» не выходит на связь уже две недели. Делать нечего, я собираюсь покупать билет в деревню. Уехать в такую глушь, чтобы никто не трогал. А там – баня, свежее молоко, кровать с пружинами. И тут ко мне за обедом подсаживается бывшая начальница, спрашивает про работу, про отпуск, про жизнь. Я ей все как на духу выкладываю. Не знаю, что на меня тогда нашло. А она говорит: «Поехали с нами на море. У мужа спортивный лагерь, и целая компания собирается. Пока мальчики своими делами занимаются, мы, девочки точно скучать не будем». Я согласилась, даже раздумывать не стала.

Два дня на море, все хорошо ... я выдохнула. Телефон только по вечерам включала, чтобы родителям отписаться. На третий день заскучала. Не то чтобы надоело, просто захотелось сменить обстановку. По пляжу дошла до так называемого спортивного лагеря. Это бунгало с баром. Мужики, от мала до велика, на досках по волнам катаются за катером. Вечером я подговорила всех девчонок поехать на следующий день туда.

Приехали. Откуда ни возьмись, на меня робость напала. Пока все общались, катались и просто тусили, я забралась как можно дальше, чтобы никто меня не трогал, и я никому не мешала. Через какое-то время появился он. «Персики будете?» Возможно, говорил что-то еще, но все слова пролетели мимо ушей. Нахально сел в шезлонг рядом со мной. Подсунул мне тарелку с шелковицей. «Попробуйте, это местный шедевр». Он вел себя настолько естественно, что, казалось, мы уже давно знакомы.

Потом – рассказы, истории, шутки. Я сама не заметила, как начала шутить в ответ, смеяться. Согласилась покататься на этих самых досках, и до конца дня он не покидал меня. После этого мы стали общаться ежедневно. Он учил меня кататься, хотя у самого плохо получалось. Мы сидели на пляже или в патио, любовались морем. Однажды взяли мопеды и поехали вдоль побережья. Смотрели на знаменитые в тех краях утесы, объедались фруктами, купались.

Романтично, да? Тогда мне так не казалось. Это было про-

писанное кем-то свыше лечение от передозировки рутиной. Нам было просто хорошо вместе.

При прощании, конечно, обменялись контактами. Иногда переписывались, несколько раз созванивались. Обсуждали всякие мелочи и серьезные темы. Говорили о будущем, о возможных встречах – скорее, в шутку и с множеством «бы». Разные города, у всех свои дела. Один раз пытались спланировать совместное путешествие.

Ну не видела я в его словах флирта. Хоть убей, не видела. Он же мог прямо сказать или намекнуть как-нибудь, типа: «А место рядом с тобой вакантно?». Что? По-дурацки звучит? Согласна.

Мог бы придумать что-нибудь получше, чем свалиться на меня как снег на голову. Никогда не понимала тех мужчин, которые считают нормальным появляться неожиданно, без всякого, пускай даже и короткого, уведомления. Я приехал к тебе! Теперь ты моя, а я твой!

Разве так делается? А может, я не готова, может, у меня – дела? И что с того, что вчера их не было? Вот, сегодня появились!

А вообще он был хороший, красивый, учтивый. Может, зря я так с ним...

Что дальше было? Да полная глупость.

Электрички как транспорт – не фонтан, а зимой на них просто невозможно передвигаться. Уж не знаю, что случилось в тот момент со мной, наваждение или еще что-то.

Как обычно, после встречи Нового года, я уехала на семейный праздник в деревню. Он по традиции длится десять дней, но именно в этом году меня переключило, и я перед самым Рождеством отправилась обратно в Петербург. Тут мне приходит сообщение от него. Обычное, ничего не предвещающее. Я пишу, что все отлично, что еду в электричке и могу не сразу ответить. Тогда он спрашивает, где именно я нахожусь. Хочешь – верь, не хочешь – не верь, только я сразу поняла, в чем тут дело. Женская интуиция орет, что он не за тысячи километров, а недалеко. Видно, приехал по своим делам и хочет просто так встретиться. Хотя, какие дела могут быть в Рождество? В общем, я решила на всякий случай не торопиться с ответом.

До этих сообщений я не знала, почему сорвалась в город. После них – совершенно растерялась. Встретиться? Наверное, он остался таким же или даже похорошел. А я из деревни в болоньевых штанах: «здрасьте – забор покрасьте», не покрашенная, растрепанная. Надо было привести себя в порядок.

С вокзала напрямиком домой: принять душ, переодеться. Я еще не подтвердила встречу, но уже начала торопиться и пытаться что-то предпринять. В этой суматохе решение само пришло. Чем думала, не знаю, но явно не головой. Видимо, «этим местом». В этом признаваться нельзя не только мужчинам. Они только услышат о желании, и сразу на все готовы. Себе, себе нельзя говорить! Под влиянием гормонов мы

на дурацкие поступки способны.

Из дому побежала по салонам. Как назло, в половине – не брали трубку, а в остальных – полная запись. Думала «попасть на дурака», и так увлеклась, что аж до самого центра доехала. Тут я начала сомневаться, что правильно поступаю. Ну, приехал он ко мне, и что? Мне теперь – убиваться, из кожи лезть? До встречи часа полтора, а у меня одежда не подобрана, брови не крашены, ногти изгрызены, и на голове – воронье гнездо. Решила самостоятельно справляться. Получится – хорошо, опоздаю, ничего страшного, не получится – он сам виноват, а я и так сделала слишком много.

Понятное дело, я припозднилась. Отписалась, что опаздываю, попросила выбрать кафе и там меня подождать. Он ждал. Откуда я это знала? Кожей чувствовала.

Он был с котом! Представляешь? Не знаю, как он до этого додумался. Наверное, я обмолвилась когда-то, а он запомнил. Нет, серьезно, с живым рыжим котенком. Стоит между памятником и замком, и держит в руках этого маленького львенка. Хорош, очень хорош.

И я – тут как тут – прячусь за деревьями. Притаилась и стала обдумывать происходящее. Стою и жду знака или подсказки свыше. Хотя, казалось бы, мужик приехал именно к тебе из другого города. Он помнит, о чем ты мечтала и берет для тебя котенка! Что это, если не знак? Беги к нему, радуйся и – никаких вопросов. Но нет, мне нужно было еще какое-то подтверждение. Чтобы метеорит в тот момент упал

метрах в десяти, или что-то вроде этого.

А он посадил кота во внутренний карман пальто и стал ходить туда-сюда. Курил, ловил губами снег и по-детски радовался. Переносить время встречи я больше не могла, оставалось ждать, когда он пойдет в кафе. Тогда я пойду за ним, и, только он сядет за столик, появлюсь, а там – будь, что будет. В помещении все как-то сдержаннее происходит, и легче принимать решения.

Наконец, он двинулся в сторону Фонтанки. Я – за ним, стараясь выдерживать дистанцию. Я зашла в арку как раз тогда, когда он заходил в подъезд. Идти дальше не решилась. Знаменья все не было. Головой понимала, что надо просто войти, сказать «привет», извиниться за опоздание. Ничего сложного. Все будет хорошо.

А вот скажи мне, стоит ли доверять все это голове? Так, как я поступила сегодня?

Не помню, сколько времени я провела в том дворе, взвешивая все «за» и «против». А когда представила, что захожу в кафе, поняла, почему не сделала этого и не сделаю никогда. Знак, которого я так ждала, должен был появиться внутри меня самой. Если не щелкнуло, не надо пытаться. Пускай там – котик. Пускай замечательный мужчина ждет тебя. Все это совершенно не важно, если ты сама его не ждешь.

Хорошая мысль? Не знаю. Ни в том дворе, ни сейчас, спустя полгода. Тогда я просто ушла, отправив ему сообщение, чтобы не ждал меня. Больше мы не общались.

Наверное, все у меня будет когда-нибудь. Появится, когда внутри что-то щелкнет и все станет очевидным.

Во всяком случае, я очень хочу в это верить.

Проблема 3. Елисей

– Вам это интересно? Забавное название для книги.

– А вы уже со своими делами покончили? – Девушка посмотрела на телефон, в котором проигрывался фильм.

– Можно сказать и так. Этот фильм я много раз видел, и заканчивается он всегда одинаково. А вот вы и ваша книга – совершенно иное дело.

– Если я вам скажу, что она случайно попала в мою сумку, вы мне поверите?

– Поверю. Но мне хочется думать, что она там вовсе не случайно.

Двери закрылись, и автобус повез пассажиров от терминала к самолету.

– Елисей.

– Светлана.

– Светлана, не знаю, как выразить мою признательность за ваше добродушие. Не каждый согласится поддерживать беседу с человеком в неоптимальном состоянии. Поэтому приношу извинения. Не буду больше вам докучать.

– Ну что вы, я все прекрасно понимаю. «В Питере – пить». Верно?

– К сожалению, именно так.

– Почему же – «к сожалению»? Возможно, у вас был достаточно серьезный повод. Да я и сама не без греха.

– Да ну? Что, и у вас – суточный загул?

Светлана отреагировала наилучшим образом, а именно – легким смешком.

– Вы шутите. Просто посидели с подружками. Вино – исключительно для поддержания разговора.

– Тогда я сутки только тем и занимался, что поддерживал разговор.

При общении малознакомых людей существует риск неловкого молчания. Единственное средство от этого – еще большая неловкость. Из-за резкого торможения автобуса Светлана не удержалась на ногах и завалилась на Елисея, и тот поймал ее за талию. Пил один, а падает другой, в этом нет никакого противоречия. «Минус на минус дает плюс». Ватные ноги и внеплановое торможение автобуса дают положительный эффект.

– Простите.

– Это вы меня простите. Наверное, от меня тот еще запах?

– В исключительных обстоятельствах легкое амбре мужчинам идет.

– Судя по расстановке людей в автобусе, ваше мнение мало кто разделяет.

– Да что они могут понимать? Офисный планктон и студенты. Люди, для которых поездка в Питер – единственная возможность привнести что-то интересное в праздничные дни.

– А вы сами к их числу не относитесь?

– Отношусь, – девушка ничуть не смутилась от провокационного вопроса. – Но давайте допустим, что я знаю чуть больше.

Двери автобуса распахнулись, и в салон ворвался промозглый северный ветер, блуждавший по взлетной полосе.

– Пропустим всех?

– Разве не будет лучше спрятаться в самолете от этого ветра?

– Мы с вами успеем устать от кресел, сейчас лучше надышаться перед полетом.

Они остановились в десяти метрах от трапа. Поток офисного планктона и студентов затягивало в нутро самолета. Света и Елисей думали каждый о своем. Она – о случайной встрече, которая могла оказаться той самой заветной и единственной. Он – о переменчивой погоде, о ветре, проникавшем сквозь толстое пальто и холодившем голову. Возможно, это к лучшему. Не потянет на опрометчивые поступки.

– Пойдемте, Елисей. Нас уже зовут.

– Что? А... да, пойдемте.

– О чем вы задумались?

– Даже не знаю, стоит ли рассказывать, особенно при первой встрече... Стюардесса взяла у него билет.

– Двадцать три «А». А ваш? – девушка в синей форме забрала у Светланы посадочный талон. Двадцать три «В». Приятного полета.

– ...Но ведь чем-то надо заниматься на протяжении полета?

Существуют ли те, кто не боится авиаперелетов (не считая пилотов, конечно)? Это, как говорят в Одессе, тот еще вопрос. Люди, которые с пеной у рта распространяются о собственном бесстрашии, скорее всего, врут. Дети Адама и Евы созданы для земной тверди с периодическими водными процедурами. В воздух подниматься для них совершенно противоестественно.

Но на помощь приходят «допустимость и предусмотренность». Взлет в условиях ограниченной видимости – допустим. Тряска от ветра и турбулентности – предусмотрены. При поломке шасси допустима не очень мягкая посадка. При поломке одного двигателя предусмотрено наличие второго. К сожалению, все эти бесспорные истины не в состоянии заглушить панический сигнал в голове, когда вас вжимает в кресло, и рев двигателя изгоняет все иные звуки.

– Я боюсь летать.

– Правда?

– Не хочу показаться нахалом, но вы можете взять меня за руку?

Светлана покорно положила на его пятерню свою маленькую лапку. Самолет выехал на взлетную полосу. Форсаж.

Пассажирские кресла задрожали. Огромная летучая конструкция, набрав скорость, лениво оторвала брюхо от земли.

Зачем ему весь этот фарс? Неужели он увидел в этой девушке что-то особенное? Нет. Это была мелкая сатисфакция за потраченные впустую дни и месяцы. Ничего предосудительного он не замышлял. Ну, разве что, потешить эго.

– Спасибо. Вы не только милая, но еще и очень добрая.

Девушка, услышав комплимент, смущенно улыбнулась. Эта встреча в ее глазах походила на какую-то шутку, на кусочек романтического сериала. Но, даже если и так, то стоит ли отказываться от происходящего? Ведь приятно же взлетать, держа за руку симпатичного молодого человека.

– Для вас интереснее «как» или «почему»?

– Нам интересно с самого начала.

– Хорошо. Только прошу, не делайте никаких поспешных выводов. А лучше, не делайте вообще никаких выводов, когда история закончится. А я буду с вами максимально откровенным.

– Мы согласны, – подыграла Светлана.

– Раз так, то у меня еще одна просьба. В ответ на откровенность хотел бы выслушать суждения. Даже одобрительные. Надеюсь, разницу между выводами и суждениями вы ощущаете?

На секунду Света задумалась. Университетские занятия по логике она часто игнорировала. Все же, кое-как сформулировав для себя оба понятия, она согласно кивнула.

– Небольшое лирическое отступление. После последнего матча на чемпионате Европы двенадцатого года Андрей Сергеевич произнес фразу, усугубившую боль и обиду за проигрыш: «ваши ожидания, ваши проблемы». Жестоко, да? И только сейчас я начинаю понимать, как он был прав.

– Кто такой Андрей Сергеевич?

– Это не так уж и важно. Важно иное. Еще вчера я стремился в этот город, исполненный ожиданий и надежд. Сейчас убегаю из него с горьким разочарованием. Обвинять ли в этом и ее, и меня, с точки зрения вселенской справедливости? Справедливости, не решающей проблему? В действительности, только я – виновник моего разочарования. Я поверил, что теплые и доверительные отношения могут перерасти во что-то большее и нарисовал картину двух стремящихся друг к другу душ в стиле Джейн Остин. В итоге получил, что имею. Забыл, наивный человек, прописную истину. Никогда наши планы и ожидания не соответствуют реальности. Но мы продолжаем обманываться, рисуем фантастическое будущее, а потом удивляемся, получая по голове.

У вас бывало такое навязчивое ощущение: нечто, именно вам предназначенное, находится совсем рядом, но понять, чем оно является, вы не можете? Конечно, у вас это было, это свойственно всем без исключения. А теперь представьте, что это длится годами. Вы не подумайте, что я жалуюсь. Моя жизнь меня вполне устраивает. Вот только это гнетущее чувство не дает мне покоя. Собственно, поэтому я и провел

последние сутки в этом мерзком городе. Надеюсь, не обиделись за город?

– Ничего, продолжайте.

– Хорошо. Если мы начнем копать в причинах этого зловредного чувства, то рискуем бездарно потратить оставшееся время полета. Ответов не получим, вдобавок станем настолько близки, что будет тяжело расставаться.

– Сильно сказано.

– Сильно и почти правдиво. Поэтому перейдем сразу к тому решению проблемы, которое выглядело простым и элегантным, а оказалось заблуждением.

Все мои эмоциональные связи, сильные и слабые, длинные и скоротечные были проверены, повторены, разобраны. Они не давали ответов на вопросы. Мимолетная приятность и вечное забвение. Поэтому я обратился к более сложным отношениям – дружбе. Существует она между мужчиной и женщиной?

Минутное размышление.

– Отвечу вам более развернуто, чем просто «да» или «нет». Дружбы между полами не бывает. Между людьми она, безусловно, существует.

– Мне нравится. Это наилучшим образом отражает мой посыл. Жаль, что он не сработал, а ведь так красиво все могло получиться. Легкое и приятное знакомство объединило нас без намека на физическую близость. Только платоническая симпатия, и, что удивительно – взаимная. Я пытался

в нее влюбиться. Не получилось. Даже жалел об этом, но недолго. Стал наслаждаться ничем не обремененным общением.

А оно, это общение, было интересным. Оно происходило нерегулярно, но от того не утрачивало ценности. Добавим к этому инсайты. Не те, про которые нам вещают всякие доморощенные коучи, а настоящие озарения – мысли, порождающие мысли. Такое общение становится бесценным. Это – как компенсация бесконечного пустого трепя и формальных переписок, в которых все погрязли. Уже с друзьями невозможно обсуждать что-то, выходящее за грань базовых инстинктов!

Елисей начал закипать.

– Знаете, что есть в голливудских фильмах, помимо красивой картинки, душевной музыки и сказочного сюжета? Мудрые мысли, высказанные эпизодическими персонажами главному герою и зрителю. Вы замечали, сколько в них житейского опыта и смысла? Не вспомню ни названия, ни сюжета фильма, в котором седовласый старик говорит примерно следующее: «Разве на желаниях и влечениях строится брак? Нет. Важно лишь то, что после многих совместно прожитых десятилетий вам есть что рассказать и чем поделиться друг с другом». Вот так! Толковые, стоящие советы дает бездушная маркетинговая машина по выбиванию денег из зрителя.

Елисей помолчал, чтобы Света могла переварить сказанное.

– К сожалению, именно этот совет меня разочаровал. Не на все сто процентов, но все же...

Пока я осмысливал верность этого высказывания, я анализировал все наши с ней диалоги, переписку, звонки. Все для того, чтобы убедиться в моей значимости для нее. Ощувив ценность, которую она для меня приобрела, я стал деликатно интересоваться ее планами, узнавать о желаниях, оценивать текущее положение дел. Только после этого я перешел к активным действиям. План, казавшийся мне идеальным, был взят также из фильмов – неожиданный приезд на почти белом коне.

– А вдруг она физически не смогла бы с вами встретиться?

– Я прощупал почву. У нее не было никаких срочных дел.

– Не знаю, как насчет мудрых мыслей, но с неожиданными романтическими поступками Голливуд порой ошибается.

– Сейчас это уже понятно. А тогда, решив, что откладывать не имеет смысла, я просто купил билеты и прилетел сюда. То есть, уже – туда. Странно.

– Что именно?

– Глупость идеи замечается нами только после ее реализации.

– Иногда и этого не происходит. Моя подруга до сих пор считает, что спуск с горы в наполненном воздухом шаре был удачной идеей, несмотря на сотрясение мозга.

– Судя по всему, она экстремал, и долго мечтала о таком

приключении.

– Да, как вы...

– Тогда это не считается. Глупость, принесшая радость – не глупость.

– А что же?

– Высшее проявление удачи. Даже в случае с вашей подругой. Ну да ладно. Приземлившись, звонить я ей не стал. Невозможно ведь угадать, когда человек проснется и будет готов принимать звонки. Поэтому только небольшое стандартное сообщение: «Привет, как дела?». Пошло, но в качестве приветствия и начала диалога – сойдет.

Я поехал в центр города, сообщив всем давним знакомым, живущим в Питере, о моем появлении. Кстати, ничего толкового из этого не вышло. Я доехал до Невского, позавтракал. Далее можно было пойти в Эрмитаж или забраться в бар и не высовывать носа. На всякий случай приобрел набор петербуржца: шапку, шарф, перчатки. После этого пошел в Кунсткамеру.

– Там по-настоящему жутко.

– Да уж... Пробежав всю экспозицию за десять минут, получил от нее сообщение. Она написала, что едет в электричке, и удивлена моему приезду. Конечно же, я предложил встретиться. Как мне казалось, привел самые убедительные аргументы. Ответа не последовало. А алкоголь в Питере продается с одиннадцати утра.

– Алкоголь здесь – ключевой момент?

– Нет, просто к слову пришлось. Помните о взаимосвязи ожидания, надежды и разочарования? Когда ожидания подвергаются сомнениям, и начинается ощущаться привкус разочарования, на первый план выходит сумасшедшая надежда. Для отчаявшихся она – спасательный круг или последний аргумент. Но в мире, где все возможно, она подобна веществам, вызывающим зависимость, ведущим к концу, делающим жизнь совершенно невыносимой.

Материальное можно получить благодаря уму и трудолюбию. Духовное – либо дано, либо нет. Приобретаемое не ценится. А выигрыш недостижим и привлекателен. Если жизнь, по меньшей мере, удовлетворительна, мы рискуем попасть в коварную ловушку надежды. А дальше – классика. Имея – не ценим, потерявши – плачем.

Я томился в ожидании между каналом Грибоедова и Садовой. Даже возможная встреча со старым знакомым (чокнутым ботаником, отозвавшимся на клич), представлялась более интересной, чем это томление. Но дальше произошло самое страшное из всего возможного. Надежда начала оправдываться.

Михайловский замок, восемь часов вечера. Встреча назначена, и, значит, долой прозябание. План работает и ведет к намеченной цели. Мне было необходимо срочно найти ко-

та.

– Кота?

– Да. Однажды в разговоре она упомянула, что очень хочет завести кота, но не может решиться. Вот я и рассудил, что это будет отличный способ порадовать ее.

– Это очень мило.

– Оказалось, не так просто найти нужного кота. Любой не подойдет. Представьте: вечер, падает снег, свет от фонарей, Михайловский замок. И я, в этом пальто с торчащим из внутреннего кармана котенком. Ждал ее столько времени, сколько никого не ждут.

– Она не пришла?

– Сказала, что опаздывает. Вначале, на пятнадцать минут, потом – на полчаса, еще на час. Предложила мне найти какое-нибудь кафе неподалеку, подождать там. Мы с этим мелким гуляли вдоль замка, пока он не начал дрожать.

– Может, испугался?

– Нет. Когда я его забирал, сразу понял, что он не из пугливых. Делать нечего, пошел к Фонтанке, там много всяких заведений. Меня устраивало любое, лишь бы потише. Повезло, нашел именно такой бар. Прелестная барменша.

– Так вы встретились в этом баре?

– Вам хочется услышать про хэппиэнд? Его не было. Она не пришла, как это ни грустно. Но, наверное, все к лучшему.

– Прошу прощения, но она просто дура, если упустила такой шанс.

– Спасибо. Возможно, в некоторой степени вы правы. Однако мне хочется верить, что никто ничего не упустил. Даже напротив, приобрел. Разочарование действительно ужасно разрушает. Испытывать его противопоказано абсолютно всем.

Но давайте смотреть в перспективу. Чем дальше в лес, тем больше увеличивается вариативность. Главное – не застрять в прошлом. Если выбранный путь оказался тупиковым, значит, где-то существует верный. А если верного пути нет, значит, разочаровываться не в чем, и неблагоприятный исход – это нечто естественное, как очередная и неизбежная черная полоса. Не знаю пока, какой из двух вариантов для меня предпочтительнее, потому что старое не полностью забыто. Но могу сказать, что уже начал работать над этим.

– Серьезно? Как? Поделитесь секретом.

– Никакого секрета тут нет. Общение. В баре, а сейчас – с вами.

– В баре – это с «прелестной барменшей»?

– Не только. Безусловно, она очень милая и интересная. Еще успел познакомиться с собственницей бара. Очень самоуверенная. Довольна жизнью, получает от нее удовольствие. Были еще люди, не такие интересные, но общаться с ними можно. Встретил поразительного индивида, который считает, что он шаман и охраняет наш мир от сил зла. Персонаж явно неоднозначный и больше похож на больного. Тем не менее, с таким тоже можно вести диалог и получать впе-

чатления.

– И все это вы успели за один вечер?

Проходящая мимо стюардесса остановилась, чтобы попросить поднять спинки кресел и проверить, пристегнуты ли ремни безопасности. Самолет начинал снижение.

– В этом ничего удивительного нет. Осознав, что она не придет, я постарался максимально быстро переключиться. Потом вызвал такси в аэропорт. В ожидании рейса познакомился с вами.

– А что с котенком? Вы же не смогли бы его пронести в самолет?

– О нем позаботятся. Те люди, которым я его оставил бере, очень добрые и давно хотели завести кота. Да и сам он – не промах.

– Будем надеяться. Я всегда переживаю за животных.

– Все с ним будет в порядке. Лучше скажите, как вам история? Дадите рекомендации, подведете итоги?

– Воздержусь. А история, пусть и грустная, поучительна.

Самолет тряхнуло.

– Совсем забыл, приземляться я еще больше боюсь, – Елисей протянул распахнутую ладонь. – Не откажете в поддержке?

Проблема 4. Валя

Что такое «хорошее утро»? У Валентины был ответ.

Первое. Хорошее утро никогда не начинается рано, а только после одиннадцати часов. Еще лучше – после полудня.

Второе. Нельзя вставать с постели сразу. Надо позволить телу потянуться, дойти до кондиции. Причем, исключительно – в домашних условиях.

Третье и основное – беллини. Поэтому в холодильнике всегда имеются персиковый сок и бутылочка Prosecco.

По глубочайшему убеждению Валентины, именно такие капризы делают жизнь полнее и увлекательнее. И дело тут вовсе не в потреблении алкоголя утром, нет, а в возможности осуществления желаний. Допустим, работает человек на целлюлозном предприятии и любит лепить птичек из папье-маше. Почему бы ему не использовать, так сказать, неликвиды, для удовлетворения душевных потребностей?

Под этим углом выделась и ситуация с баром. Он есть? Есть, и приносит доход. Вдобавок, удобный график. Открытие в три часа, первые посетители приходят в пять. Все это настраивает на действительно комфортное утро. Кроме того: любимая пижама со слониками «Дамбо», и, под настроение, одна-две сигаретки, тонкие, вкусные. Далее – ароматизированное белье и... пожалуй, достаточно. Даже кофе в постель – необязательно.

Вообще, почему из «кофе в постель» делают фетиш? По мнению Вали, ничего примитивнее и банальнее, чем завтрак в постель, в отношениях пары не существует. Да она никогда и не «работала над отношениями». Все, что в этом смысле происходит – на чистой интуиции. А своей интуиции Валя доверяла, и, как правило, не жалела об этом.

Правда, слишком сложна современная концепция свободных отношений. Но зачем вообще этим заморачиваться? Возьмем сегодняшнее утро – утро сочельника. Где ее ухажер? Вчера ложились вместе, а сегодня его уже нет. Убежал по своим маскулинным делам: на встречу какую-нибудь, спортом заниматься, машину мыть, кофе пить и газету читать. От этого девушке только свободней и просторней. И беллини пьется приятнее.

Даже если он убежал к какой-нибудь любительнице постельного кофе, то проблемы существуют исключительно у них. Оба рано встали, значит, не выспались. Чтобы тебе приносили кофе в постель, как в фильмах, надо и выглядеть как в фильмах, а для этого вставать ни свет, ни заря. Если мужчина старался ночью в постели с Вале́й (а он старался), к другой ему нужно приложить дополнительные усилия. Хотя бы для того, чтобы внешне все выглядело приемлемо. Да, в сухом остатке заводить любовницу – весьма утомительное, энергозатратное мероприятие. Валя знала «своего» мужчину, или думала, что знает.

Да какая разница? Главное, что она знала себя и была вен-

цом творения. Разве кто-то, находясь в трезвом уме и здравой памяти, мог отказаться от нее? И не то, что отказаться, а отойти на пять метров? Валя соблюдала этот принцип во всех сферах деятельности, будь то бизнес, друзья, йога, отпуск, прогулки, ремонт, приглашение гостей на праздники и пр.

Каким стало сегодняшнее утро? По танцующей походке и бокалу в руке, по стрелкам часов, убежавшим за полдень, и самодовольной улыбке, можно смело заключить, что утро удалось. С добрым утром, Валя.

За хорошим утром следует хороший день. Несмотря на сочельник, планы сегодня обычные. Даже не планы, а так, наметки. Планы необходимы, если покоряешь неприступные вершины. Остальное – суета сует.

Автомобиль припаркован во внутреннем дворе. Под толстым слоем грязи, льда и снега стоит уже больше года. Надо бы его продать, права все равно забрали. Но из-за незнания тонкостей перепродажи подержанных автомобилей и отсутствия доверия к миру, машина обречена ждать на улице лучших времен. Сейчас все перемещения – только на такси, это удобнее.

Под конец праздничной недели город словно вымер. Жители сидят по квартирам, их оттуда не выкуришь. Каждый

старается успеть отдохнуть: належаться, отоспаться, отсидеться, навалиться. В боевой готовности только продуктовые магазины и заведения общественного питания. По улицам сонными мухами ползают туристы, проклиная январь в Санкт-Петербурге. При этом безропотно выстаивают очереди в Эрмитаж и на прочие достопримечательности.

Пока водитель замороженно следовал указаниям навигатора, Валя успела созвониться с администратором бара, предупредить о своем позднем приезде. Написала Никите, что, вне зависимости от обстоятельств, он должен быть сегодня вечером в баре на встрече однокурсников. Официальные письма она пропустила, оставив до лучших времен.

И сообщениям в «личку» – полный игнор, за исключением двух «дельфинов». Так Валентина называла кандидатов в потенциальные партнеры. Редкие доходили до этапа «кофе», только один смог доплыть до возможности проводить ее домой. Эти морские обитатели нужны были в качестве спортивной составляющей. Приятно замечать к себе интерес противоположного пола.

Валентина вышла на перекрестке Восстания и Рылеева, прошла метров пятьдесят и оказалась перед косметологическим центром своей подруги. Возле входной двери ее чуть не сбила с ног выбегающая девушка.

– Это что вы ей прижгли, что она от вас удирает?

– Привет, дорогая! Представляешь, заходит в салон и с порога требует отбеливание.

– Отбеливание чего?

– Того. Я ей сказала, что такую процедуру мы делаем только по предварительной записи, а сегодня салон не работает. Не знаю, услышала она меня или нет, но тут же вылетела со словами «все равно не успею».

– Интересно, на какую такую встречу нужно спешить, чтобы озаботиться оттенком зоны бикини?

– Да она головой двинулась. Кто в здравом уме пойдет на вмешательство в интимную область перед свиданием? Ты-то, надеюсь, никуда не спешишь?

– Не переживай, часа на три я полностью в твоём распоряжении. Потом, если будет настроение, можем куда-нибудь сходить.

– Тогда проходи, переодевайся. В общем, сама все знаешь. Я пока за игристым схожу.

– Со мной все понятно – допинг. А тебе не будет мешать?

– Валь, ну ты что? Это делает руку мастера крепче.

Подруга пошла в магазин, а Валентина – в процедурный кабинет. Впереди были несколько часов издевательств над телом. Параллельно с игристым и беседой это не так страшно. Вот последствия лазерной эпиляции, особенно в первые часы... Но, как известно, красота требует жертвоприношений.

«Алкоголь привезли. Музыканты задерживаются на час, но обещают, что сыграют больше, чем договаривались. Гостей – полтора землекопа. Все под контролем». Отчет дежур-

ного администратора.

Ответ лаконичный: «Ок. Музыкантам – из кассы. Скоро буду».

Валентина изучала меню, хотя это было совершенно не обязательно. Заведение выбрано не случайно. Французский ресторан для Вали и ее одноклассников – место особенное. Еще учась на факультете иностранных языков, они мечтали, как, достигнув «богатства и успеха», будут приходить сюда, есть улиток под чесночным соусом, пить сухой совињон и делиться замечательными мыслями и идеями. Не все достигли намеченного уровня жизни, но не реже, чем раз в год они собираются здесь на закрытый светский раут и предаются разговорам обо всем на свете, кроме личной жизни. Табу наложено коллегиально после первого собрания, на котором было объявлено о помолвке двух его участников. Это объявление исключило все иные темы для общения. До конца вечера только и говорили о предстоящей свадьбе, будущем потомстве и прочих, по мнению Валентины, малозначимых вещах. Потому уже на второй встрече она взяла ситуацию под контроль.

После «обкатки» статусность раута поднялась от тривиальной до возвышенной. За этим следила сама Валентина, став «теневым модератором». Фактически, правила распро-

странялись только на ресторан. После торжества было веселье, а именно – поход в бар. Чаще всего – в бар Вали, и как раз там разрешалось все. Никита был приглашен только на вторую часть мероприятия.

– Deux portions de tartare de pain grillé, six portions de vos escargots signature. Pour l'instant, deux bouteilles de Sauvignon suffisent. Et peut-être nous conseillerez-vous autre chose parmi les entrées?² – с важным видом объявил Игорь официантке, принимавшей заказ.

– Простите, я не говорю по-французски, – ответила официантка.

– Ничего страшного, – вмешалась Валя и повторила заказ на русском. – Ты и дальше будешь распугивать обслуживающий персонал своим ужасным произношением? Это уже повторяется в который раз, когда мы собираемся. Ты попросту решил похвастаться перед нами, что еще не забыл язык, который безуспешно пытался изучить в университете.

– Si sa saucisse sent, ses six cent six saucisses sentent aussi³ – прокричали все, кроме Игоря, и засмеялись.

– Правильно я понимаю, что это будет преследовать меня всю жизнь?

– Возможно и не всю, но так же долго, как из Питера в

² Две порции гренок с тартаром, шесть порций ваших фирменных улиток. Пока что достаточно двух бутылок совиньон. И, может быть, вы нам посоветуете что-нибудь еще из закусок? (фр.)

³ Если его колбаса пахнет, то и его шестьсот шесть сосисок тоже пахнут (фр. скороговорка)

Москву и обратно курсирует экспозиция эскизов Пикассо и Дали, – вставила одна из девочек.

– Тогда он обречен, – добила Валя. – Или мы хотим его пожалеть?

– Non⁴! – ответили все хором, только Игорь вставил свое «Oui⁵», но его голос никто не услышал.

Подождав, пока смех уляжется, в беседу вступила еще одна из участниц, создавая новый виток вечернего общения.

– Олечка, как твой дискуссионный клуб?

– Вам красиво или правду?

– Нам – красивую правду.

– Если коротко, то грант выиграла и в Бельгии, и у нас. Энтузиазма у участников больше на бумаге, чем в действительности.

– Это все, потому что Бельгия – страна из пробирки, – подали реплику.

– Самому за такие слова не стыдно?

И понеслось. Слова говорились, споры велись, аргументы отвергались и принимались, вино лилось, еда приносилась, компромиссы находились и терялись. Все в лучших традициях. Когда стрелки часов перевалили за девять, все успокоилось.

Пока несли счет, Валентина решила утвердить дальнейшие планы.

⁴ Нет (фр.)

⁵ Да (фр.)

– Как думаете, лучше минивэн заказать или просто на двух машинах уедем?

– Мы еще куда-то собираемся? – отозвался Игорь. – Если что, я не против.

– А я думала, что сегодня – без продолжения банкета. Сейчас посчитаемся и хватит.

– Подождите. Разве когда-то мы поступали иначе? Сменим обстановку, потом те, кому очень нужно, смогут самостоятельно уехать. Я уже предупредила свой персонал. Угощаю всех.

Последний аргумент оказался ключевым. Компания выехала в направлении Фонтанки на двух машинах.

Миновав полосу препятствий в виде улицы с разыгравшимися осадками и четырех лестничных пролетов, компания ввалилась в переполненный бар. Музыканты старались во всю. Три отчаянных индивида извивались на импровизированном танцполе. За всеми столиками выпивали. За барной стойкой сидел парень в пальто и потягивал пиво. Валя слегка растерялась. С одной стороны, полная загрузка в бесперспективную ночь, с другой – неловкость перед гостями.

– Валентина, прошу прощения, я пыталась объяснить, что ваш столик занят, но посетители были настойчивы, даже депозит сразу оставили, – затараторила подошедшая девушка. – Вы сами говорили, что в первую очередь клиенты с депозитами...

– Аниса, все в порядке, не переживай. Можешь идти ра-

ботать.

– Хорошо, – администратор-бармен-официант испарилась.

– Извините, ребята, – обратилась Валя к спутникам.
– Сейчас кое-что проверю и вернусь.

Не успели звезды танцпола вовлечь новых посетителей в свою вакханалию, как хозяйка бара вернулась. «За мной!». Все перешли на нижний этаж. В небольшом помещении с незаконченным ремонтом стоял стол с винными бокалами.

– Друзья, как видите, наша программа скорректирована, однако существенных изменений не претерпела. Игорь, наливай.

Вечер продолжился. Больше не было снобистских разговоров, только веселье и смех. Пришел Никита (действующий партнер Вали), и стал всех развлекать. Валя решила воспользоваться ситуацией и проконтролировать свою вотчину.

Теперь обстановка в баре радовала. Посетители веселились, танцевали. Кто-то пытался угощать музыкантов, Аниса разливала настойки по стопкам.

Возле бара обосновался парень в пальто.

– Мне и себе тоже налей вот той, кедровой.

Валя зашла за барную стойку. Обращаясь к сотруднице и посетителю, произнесла торжественно: «Ну что господа, выпьем»?

Молодой человек поднял бокал с пивом, и все чокнулись.

– Аниса, последи за третьим столиком – ребята уже вошли

в раж, и у них общий счет перевалил за десятку. Не налегай на настойку, лучше поешь. Ну что, справишься или нужно что-нибудь?

– Нет, все под контролем.

– Раз так, тогда я пошла. Еще зайду.

– Простите девушка, не знаю, как к вам обращаться... – громко сказал парень в пальто.

– Вы это мне? – с недоумением спросила Валя.

– Да. Простите.

– Валентина.

– Валентина, приношу извинения за свою бестактность.

Вы к нам еще вернетесь?

Валя раздумывала над ответом. Нагрубить? Ответить развернуто, затеяв продолжительный разговор? Велика честь. В принципе, этот странный человек в пальто пьян слегка, опрятен и даже, по-своему, симпатичен.

– Конечно. Ведь это мой бар.

Обозначив свой статус и дав надежду на продолжение общения, Валя вернулась к одноклассникам. Бутылок полных и пустых прибавилось, играла музыка. Никита, завладев вниманием публики, рассказывал очередную историю. Слушатели замерли в ожидании кульминации. «Кашпо!» – прозвучало кодовое слово, и помещение наполнилось смехом. «Свой мужчина» отпил из бокала и аккуратно поцеловал Валу в щеку.

Никита отлично справлялся с ролью тамады, чем и заслу-

жил приглашение. Следующие полчаса прошли в том же стиле. Один шутил, все смеялись. Валентина не знала, как на это реагировать. Никита должен быть деталью, подчеркивающей ее значимость, а не наоборот.

А на территории, где она была бесспорным лидером, все шло своим чередом. Огорчали лишь мокрые брюки посетителя за баром. «Только бы не обмочился», – подумала Валя.

– Молодой человек, у вас все в порядке?

– Валентина, это вы! Как хорошо, что вы вернулись, у нас все в полном порядке, благодарю!

– А ...? – владелица бара стрельнула взглядом на штаны.

– Ах, это... Какая неловкость... Моя нарушенная координация и ваши старые трубы виноваты... я – про неисправность сантехники в вашем заведении.

– Аниса, сколько он уже тут сидит? – шепотом спросила Валя у администратора.

– Часа два, может, три.

– Посчитайте меня, пожалуйста, – словно услышав их, попросил клиент.

– Я посчитаю. Аниса, сходи, проверь уборную. Три пятьсот. Картой или наличными?

– Картой. Округлите до четырех в качестве чаевых. И разрешите один маленький личный вопрос напоследок.

– Разрешаю.

– В чем ваша проблема?

– Улитки на ужин были не совсем свежие.

– Принимается. Спасибо. До свидания.

Назойливый гость собрался, накинул пальто и ушел. Прибежала испуганная Аниса.

– Что?

– Там... там...

Уборная еще никогда не была в столь плачевном состоянии. Весь пол залит водой, в которой растворяются следы ботинок.

– Первая кабинка. – Аниса осталась на пороге. – Вы меня простите, я больше туда не пойду.

Валя прошла по большой луже. Здесь и так требовался ремонт, а после сегодняшнего случая – подавно. «Главное, чтобы причину ущерба не повесили на меня». Валя подсчитывала возможные убытки, пока не увидела крохотный рыжий трупик. Теперь материальные и репутационные потери стали ей безразличны. Главное – найти урода, способного отнять жизнь у котенка.

Она стала звонить Никите. Ответа нет. «Вот клоун! Балаболит без устали.»

– Так, Аниса, ты еще тут?

– Да...

– А почему не за баром?

– Сейчас...

– Нет, стой. Вначале идешь на этаж ниже. Там, в недостроенном помещении, ребята мои сидят. Помнишь, как «мой» выглядит? Отлично. Говоришь ему, что я его здесь жду,

только тихонько, чтобы никто не услышал. Потом идешь в бар, никого не считаешь, работаешь как можно медленнее. Все поняла? Тогда – вперед.

«Сейчас все приберем, перекроем трубы, узнаем контакты посетителей, найдем живодера, и пускай оплачивает ремонт. Сегодня закроемся, ничего страшного».

– Что встала! На выход, живо!

– С каких пор ты смелости набрался так со мной разговаривать?! Иди кота убери!

Никто не смеет повышать на нее голос, тем более – ухажер.

– Какой, на хрен, кот! Мы горим!

Поскальзываясь на мокром полу, Валя побежала прочь из туалета. В коридоре метались люди, по верху дверного проема слоился дым.

Валя добежала до двери в бар, и ее обдало жаром.

– Звони в пожарку! Где огнетушитель, сделайте что-нибудь!

– Все уже сделали, на выход!

– Никуда я не пойду! Это мой бар!

Никита схватил ее и потащил к лестнице. На втором этаже Валентина обрела самоконтроль. Почувствовав это, Никита ослабил хватку.

– Дойдешь сама?

– Дойду. Пожалуйста, ребят наших проверь, пускай тоже выбираются.

– Это я и хотел сделать.

– Замечательно.

Сейчас уже некуда, да и незачем спешить. Пускай торопятся спасатели и все, кто еще остался в здании.

Во дворе было не протолкнуться от посетителей и зевак. За оконными проемами бушевал малиновый смерч.

– Простите, я не знаю, как так получилось. Когда я бежала...

– Аниса, я рада, что с тобой все в порядке.

– Как... как теперь мы будем? – всхлипывала администратор.

– Это точно не твои проблемы. И вообще, сегодня был последний рабочий день. Не потому что ты плохой сотрудник, нет. У тебя появился шанс заняться по-настоящему дорогим тебе делом.

Из толпы вынырнул Никита и сообщил, что людей в баре не осталось.

– Не замерзни.

Он накинул на плечи Валентины куртку и получил в ответ то, чего ожидал меньше всего.

– Спасибо, милый.

Проблема 5. Аниса

– Папа, а что будет в пятьдесят пять тысяч пятьсот пятьдесят пятом году?

– Как?

– Ну, что будет в пять-пять-пять-пять-пять году?

– Царствие небесное.

– Нет!

– Что – нет?

– Я тебя спрашиваю, какие машины будут на Земле?!

Продолжение разговора унес уходящий поезд метро.

«Действительно, что будет через столько лет, – размышляла девушка, не успевшая запрыгнуть в вагон. – Наступит ли царствие небесное, давно обещанное, или человечество продолжит победоносное покорение самого себя? Или ничего вообще не будет, только безжизненная пустота?

Но кто знает о том, что будет через тысячи лет? Прогноз на десятилетие, и тот – весьма сомнителен. Слишком много неожиданных обстоятельств, способных вмешаться в судьбу человечества и повернуть ее с ног на голову. Единственное, что можно предсказать – события на завтра. Будет то же, что было вчера».

Мысли о будущем и настоящем уже неделю занимали Анису из-за того случая. Мальчишка лет четырех побежал вдоль перрона, и в это же время прибывал поезд. Возможно,

если бы мальчик свалился на рельсы, то ничего страшного и не случилось бы: ребенок и поезд были на противоположных концах перрона, и машинист успел бы совершить экстренную остановку.

Реакция парня, стоявшего поблизости, позволила не испытывать систему торможения. Стремительно, как мангуст, охотящийся на мышь, парень схватил непоседу за воротник и оттащил от края платформы.

Аниса тогда подумала о превратностях судьбы, и о том, как беспечность одного человека и зоркость другого меняют жизнь многих. А ведь мы даже не подозреваем, что наша жизнь управляема, и зависит от окружающих.

Надо возвращаться в сегодня, которое будет, как завтра. Надо идти на работу, а перед этим заскочить к маме, чтобы выслушать в очередной раз ее наставления. На работе тоже существует несколько «надо», но это – «безболезненные издержки производства». Работа у Анисы – не тяжкий труд. Скорее, деятельность, которую не навязывают, а предлагают. Не хочешь работать – не работай, только, будь добр, освободи место. Работаешь – вот тебе денежка. Всю работу переделал – можешь заняться своими делами, если не в ущерб основному процессу.

А сколько еще интересных побочных явлений: знакомства, атмосфера, новые мнения и знания, истории; иногда просто весело. Конечно, в баре приходится и тяжести таскать, и с пьяными разговаривать, и ответственность нести.

Но ты в этих ситуациях остаешься самим собой, а не очередной маской, угождающей тем, кто пытается тебя опекать.

– А вот хрен им всем на рыло! – вслух выругалась Аниса, шокировав не только рядом сидящих бабушек, но и саму себя.

– Деточка, негоже так говорить, особенно перед светлым праздником.

– Простите, пожалуйста.

Аниса продолжила внутренний монолог. Если родственникам важны все эти встречи, пускай сами с собой и встречаются. Если им нужно нарезать салаты, пускай сами это делают! Я им не личный раб, обязанный тем, что живу на свете.

Продолжив мысленно ругаться и изменив первоначальные планы, Аниса вышла из подземки и отправилась прямо в бар. Путь лежал через соседнюю кафешку.

Раньше времени приходить на работу – дурной тон. Со всех точек зрения.

Если ты – низшее звено карьерной цепи, то ты «дурак», потому что умный не захочет проводить лишнее время на работе.

Если ты в середине цепочки, то шквал критики идет со всех сторон. Руководство считает тебя некомпетентным сотрудником, потому что не справляешься с нагрузкой в отведенное время. Равные по должности и нижестоящие считают, что ты выслуживаешься.

Если же ты руководитель, то для всех являешься челове-

ком без личной жизни.

Аниса знала это неписаное правило и была вне его. Большую часть времени на работе она проводила в одиночестве, без свидетелей и коллег. Само место не накладывало рамок. И, при этом, было для нее всем: хоум-офисом, мастерской, студией, местом силы и чем угодно еще.

Сменив одежду и обувь, она установила мольберт и холст в середине зала, положила коробку с красками и палитру на барную стойку. Лояльность руководства и два больших окна определили выбор места работы. Анисе даже разрешили размещать ее картины на стенах бара, и это стало приятным бонусом.

Сегодня – без подготовки. Без предположений и рассуждений. Из головы – на холст. Краски выпущены из тюбиков. Кисть выделывает пируэты. Мазок за мазком на белую грунтовку ложатся мысли.

Во главе композиции, с перспективой, смещенной влево, появился рыжий кот в лодке, плывущей по воздуху. Место действия – классический питерский двор. Цвет зданий? Аниса заметалась между теплым желтым и серовато-белым. Получилось задействовать оба, добавив в композицию уличный фонарь, освещающий одну из стен и арочный проем. Сложнее всего – понять цель путешествия кота. То, что глав-

ным персонажем должен стать именно рыжий кот, сомнений не вызывало. Но вот куда он плывет и откуда?

Аниса остановилась, сделала глоток из картонного стаканчика. Кофе был холодным и на удивление вкусным.

Уже начинало темнеть, но пока еще были различимы розовые стены Михайловского замка. Тройная порция эспрессо с кокосовым сиропом помогла оставаться на волне. Вернувшись к холсту, Аниса украсила стену дома окнами с причудливыми красными рамами и распахнутой зеленой дверью, из которой на лодке выплывала лодка с котом...

– Девушка, проснитесь! Товар примите! Мне еще пять точек отгрузать!

– А? Что? Простите, сморило. Минутку, принесу учетную тетрадь.

– Вы держитесь. Девятого числа стране – на работу. Сегодня, можно сказать, последняя трудовая ночь. Конец праздничного марафона.

Аниса приняла отгрузку, поставила печати и сделала пометку в тетради. Стулья были расставлены, мусор вынесен, тарелки и бокалы перемыты. Осталось предпринять очередную тщетную попытку – оттереть ставшее достопримечательностью липкое пятно на барной стойке.

Телефонный рингтон.

Бывают такие звонки, когда ты, не глядя на экран, понимаешь, кто звонит и с какой целью. Совесть не позволила оставить звонок без внимания.

– Да, мама.

– Когда ты будешь?

– Я сейчас на работе.

– У вас там что, медом намазано? Мы же договаривались, что ты сегодня приедешь пораньше. Мне нужна твоя помощь.

– Нет, мы с тобой ни о чем не договаривались. Ты, как обычно, все решила за меня. Может, я не хочу заботиться о насыщении твоих гостей?

– Как ты можешь говорить так о тете Любе? Она нянчилась с тобой все твое детство! А без дяди Паши ты не поступила бы на юридический. И я все еще не понимаю, зачем тебе надо сейчас, когда осталось учиться всего ничего, переводиться на заочку.

– Мама, – растягивая гласные, начала Аниса. – Мы этот вопрос уже не один раз обсуждали. Твой дядя Паша ничего не сделал, просто провел со мной пару занятий как обычный репетитор, даже скидку не предложил. А на заочку я перевелась, потому что там учеба стоит дешевле, и я могу ее сама оплачивать.

– Так, давай не будем. Надо получать полноценное образование. Ладно, дома поговорим. Когда вы с «этим» приедете?

– У «этого» есть имя, мама. И мы сегодня не приедем. Прости, мне пора, нужно работать.

Не дожидаясь ответа, Аниса отключилась.

Раз упомянули «этого», надо сразу отстреляться и позвонить ему. Аниса выбрала в телефоне контакт «Слава за углом». Такое обозначение было протестом против случайно возникшего и весьма редкого общения. По долгим гудкам она чувствовала, как Слава сейчас мечется перед выбором – отвечать или нет. Да, тут всерьез задумаешься, не взять ли подработку – гадание по телефону.

– Привет, прости, звонков не слышал.

– Спал, наверное? – спросила Аниса с ироничным сочувствием.

Какой может быть сон вечером?

– Да. То есть – нет. Отвлекся.

– Ты ведь не дома?

– Я? Нет. У Кира. – Слава повысил голос, как делал это всегда, если чувствовал за собой вину.

Аниса решила дожать его, надеясь извлечь дивиденды.

– Понятно. А как же мама? Помнишь, она просила к ней заехать?

– Я ей все равно не нравлюсь, поэтому переживет как-нибудь. А если...

– Аккуратнее. Какая бы ни была, это моя мать.

– Прости. Во сколько нужно быть там?

– Мы никуда не идем.

Все. Больше не участвовать в глупых разговорах, не мириться ради лицемерных «компромиссов». Не подстраиваться. Поступать так, как считаешь нужным. Это вовсе не страшно. Сахарин тоже сладкий, а ботинки можно заклеить. Дискомфорт – не катастрофа. Очень часто, оказавшись перед «быть и не быть», «делать и не делать», мы выбираем второе. И причина здесь не в родителях и не в личных отношениях. Просто иногда приходится менять порванные ботинки на новые.

Бар на Фонтанке начинал оживать. Не так, как обычно по пятницам и субботам, когда публика собирается, словно по сигналу «пора выпить». Сегодня, в сочельник, это был вялый конвейер. Люди приходили и уходили маленькими группками, и ненадолго. Они почему-то не пересекались, и так сменялось не больше полутора десятков клиентов.

Когда появились музыканты, дело пошло веселее. Да еще, откуда ни возмись, возник тот самый магический посетитель, после прихода которого заведение начинает наполняться, а после ухода – пустеть.

Вошел он весьма уверенно, словно уже не раз бывал здесь, поздоровался, улыбнулся, попросил разрешения не снимать верхнюю одежду. Смотрел «набор петербуржца» в большой комок и поместил его на полке для шляп.

– Меня Елисей зовут, а вас как? – усаживаясь за барную стойку, спросил магический клиент.

– Аниса. Может быть, вам будет удобнее за столиком? Сколько гостей вы ждете?

– Благодарю, скорее всего, я буду один, и за барной стойкой.

– Прошу. Что пить будете?

– А что посоветуете? – Елисей пробежался взглядом по шеренге бутылок.

– Ну... Смотрите, есть настойки. Их посоветую при условии, если все серьезно. (Елисей молчал) – Вы задумались, значит, все не настолько серьезно. Есть обычный алкоголь: виски, ром, и так далее. Предлагать коктейли не буду, это банально. Что еще? Светлый, почти классический «лагер» местных поставщиков. Оно?

– Оно.

Аниса налила пиво. Музыканты заиграли что-то ненавязчивое и незнакомое. Бар заполнился до отказа, и музыка сменилась на популярные каверы. Пока Аниса обслуживала гостей, посетитель сидел за стойкой, прихлебывал пиво, пролистывал телефон и постоянно поправлял пальто, заглядывая во внутренний карман.

– Как вам пиво?

– Очень хорошо, спасибо.

– Если что-то еще понадобится, смело говорите.

– Тогда подскажите, пожалуйста, где у вас уборная.

- Она у нас общая на весь этаж. Налево и еще раз налево.
- Благодарю.

Бар переполнился. Пришлось отдать столик, бронированный владелицей. Это против всех правил, но когда сразу вносят большой депозит, правила можно проигнорировать. Несмотря на суматоху, Аниса не упускала из виду клиента за барной стойкой. Он все так же ощупывал пальто, проверял телефон, прикладывался к бокалу.

Аниса попыталась заговорить с ним. Реакция оказалась более чем неожиданной. Елисей шлепнул телефон на столешницу и потребовал порцию настойки. После этого он одним махом прикончил и ее, и половину бокала с пивом. Выбежал, минут через десять вернулся довольный и бодрый, снял пальто. Заказал сразу десять порций настойки.

– Что-то случилось? С вами все в порядке?

– Вы мне сказали, что настойка – это когда все серьезно, так? Вот сейчас я серьезно решил избавиться от проблем. Моя проблема в ожидании неосуществимого.

Елисей разразился тирадой о своем неприятии ожидания, поминая, почему-то, недобрым словом футбол и голливудское кино. Аниса слушала, стараясь не потерять нить. Звучало все довольно искренне.

– Аниса, Аниса...

– Задумалась, простите. Еще настойки? Вашу, вон, всю растащили.

– Мне не жалко, для меня одного много будет, – молодой

человек сделал паузу, подбирая слова. – Аниса, вы можете мне ответить откровенностью на откровенность?

– При условии, что меня не будут дергать заказами.

– Хорошо. В чем ваша проблема?

– Наверное, я смогу вам сказать.

Аниса сделала глубокий вдох, но ответ, который к ней пришел, озвучить не получилось.

– Извините, мой босс идет...

Довольно много времени прошло после пожара и ее последних часов в роли официанта-бармена-администратора. Какова была вероятность, что она услышит историю того дня от совершенно незнакомого человека? Кто-нибудь мог предположить, что несколько судеб окажутся в таком хитросплетении? Теперь-то все кажется логичным и объяснимым. Тогда это был хаос.

Сейчас, когда все встало на свои места, осталось решить, стоит ли этой потерянной девушке знать правду о судьбе рыжего котенка. С одной стороны, правда поможет ей убедиться в правильности и справедливости своих действий и предчувствий. С другой стороны, нанесет такую травму, от которой восстанавливаться придется очень долго. Для самой Анисы все сложилось более или менее удачно. Негатив той ночи удалось сублимировать в творчество.

– Прости, Нина, что продолжаю ворошить эту историю, – начала Аниса, – ты задумывалась о том, что было после? Никогда не было желания дойти до этого двора? Мы совсем рядом с ним.

Нина, с потухшими глазами, молчала. По всей видимости, ее лучше не трогать. Сегодня она получила больше переживаний, чем могла переварить.

Выходя, Аниса попрощалась со всеми, кто пришел на открытие ее персональной выставки, вызвала такси и попросила шофера проводить девушку до квартиры.

Аниса шла к бывшему месту работы, которое много дало ей и еще больше отняло у других. Вот столбик, торчащий из асфальта, возле которого она стояла, в очередной раз поругавшись с матерью. Вот арка во двор, где постоянно пропадала связь, когда ее «бывший», Славик, невнятно рассказывал о себе и своих делах. Во дворе все по-прежнему. Здание под номером двадцать перекрасили, а цвет рам двух знакомых окон остался тот же.

Аниса не знала о дальнейшей судьбе бара. Стала ли Валентина восстанавливать его или занялась другим делом? Последний раз они виделись в прокуратуре, куда Анису пригласили дать показания и опознать тех, кто присутствовал в тот день. По всей видимости, обвинили двух наркоманов. Одного из них задержали посетители, которым он без конца твердил: «Все на выход, у нас пожар». Второй потерял сознание или просто уснул рядом с Чижиком-Пыжиком. Именно

он, требовавший в тот вечер много воды, оказался зачинщиком и поджигателем.

Удалось ли найти Елисея и обвинить его в убийстве котенка? Скорее всего, нет. Да и он сам никогда и никому не расскажет об этом.

Аниса поднималась по лестнице. Судя по густому сигаретному дыму, пожар полугодичной давности никого и ничему не научил.

Четвертый этаж пропах краской. Вместо входной двери в бар висела полиэтиленовая пленка. Отодвинув ее и включив фонарик на телефоне, Аниса прошла внутрь. Обычное помещение в стадии ремонта. Ничто не напоминало о прошлом, кроме двух больших окон, через которые когда-то падал свет на холст.

– Благодарю вас, – прошептала она в темноту. – Надеюсь, вы еще кому-нибудь поможете.

Предназначенная

«Зачем ты колотишь мишку? Тебе же не нравится, когда тебя бьют. Ему тоже не нравится». Так прививается уважение к игрушкам, живым и разумным. Куклы, машинки, роботы обретают имена. Некоторые занимают особое место, получая вместе с именем собственный домик и собственную историю. Они делаются частью нашей жизни, радуются и плачут вместе с нами, становятся друзьями. Иногда, сами того не подозревая, они изменяют нашу судьбу.

Позднее нас окружают уже не пластмассовые фигурки, и не вата, прошитая яркой тесьмой, а реальные люди. «Относись к ним так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе». Все просто. Но, к общему сожалению или единоличному счастью, мы не желаем гармонии. Мы потакаем слабостям. А слабости помыкают нами.

...Их встреча произошла ранним зимним утром в магазинчике за углом.

Ее звали... впрочем, это неважно. Она была чистым созданием. Настолько чистым, что, казалось, до нее никогда не дотрагивалась чья-нибудь рука. Забавно. Это было совершенно не так. Напротив, очень многие участвовали в ее появлении на свет и совершенствовании.

Его звали Данила. Для окружающих «дядя», в глубине души он оставался мальчиком, только что выбравшимся в

большой мир. На девушек он производил приятное впечатление. Одет небрежно и элегантно. Прическа – «так и должно быть». Ботинки заслуживали отдельного внимания. Они были всегда начищенные, без единого пятнышка, независимо от погоды. Откуда такая внимательность к собственной обуви? Вероятно, знает секрет: женщины в первую очередь смотрят на обувь.

Но для нее все это не имело никакого значения. Когда появляется тот, кому ты предназначена, становятся неважными такие пустяки, как цвет волос, бюджет, жилплощадь, отношение к табаку. Хотя, последнее все же существенно. Вот она, игра высшего предназначения: после первой встречи они уже не расставались.

Пятница – самый, что ни на есть, важный день. В пятницу определяется настроение на выходные: если будут закрыты все сделки, сданы все отчеты, то ты станешь отдыхать с полным правом и чистой совестью. Поэтому по пятницам Данила выпускал протуберанцы энергии, и его задор передавался абсолютно всем в отделе. Подчиненные отдавались работе, не щадя живота своего, и забывали о перекурах. Оргтехника нагревалась до предела и призывала выполнить и перевыполнить.

Неудивительно, что первая вечерняя сигарета приносила необычайные ощущения. Здесь бы, для красного словца, сравнить их с оргазмом, но – нет, будем честны. Работа и отдых были для Дани не чем-то вроде акта соития, а серьез-

ными отношениями, исполненными уважения. Вечерний же ритуал курения служил паролем, открывавшим поход в какое-нибудь питейное заведение.

Обычно пятница заканчивалась в закрытом для случайных посетителей баре «Под лестницей» – самом уютном и уединенном в городе. Но вечер не был бы так приятен, и состояние не было бы столь комфортным, если бы не ее присутствие. Это замечали и чувствовали все, кто находился рядом. Да и как не заметить, если эти двое практически не расставались. При каждом прикосновении она раскрывалась все больше, и, в конце концов, отдавалась целиком. Для этой парочки вчера, сегодня и завтра сливались в годы наедине друг с другом.

Но идиллия была разрушена. Вероломно, без объявления войны. В обособленном мире двоих появилась третья.

– Привет. Давно не виделись. Одиноко? – спросила Анна.

– Привет. Ничего подобного. – сдавленно пробормотал Данила.

– А почему ты такой задумчивый?

Не дожидаясь ответа, она уселась напротив.

«Как она смеет? Разве не видит, что он уже занят мной? Нет, не может быть, мы слишком похожи, мы просто идентичны, мы подходим друг другу больше, чем кто-либо», – разрывалось все внутри у «предназначенной». Конечно, вслух она ничего не сказала. Она бы не позволила себе даже намекнуть, что присутствие этой нахалки ее хоть как-то

задело.

– А я тут с друзьями, – кокетливо заметила Анна.

– Празднуете?

– Нет, встретились поболтать. Можно, я с тобой посижу?

«Нет, прошу тебя, скажи ей: нет»

– Не думаю, что это будет правильно.

– А что тут такого? Смущаю кого-то? Ты скажи, и я уйду.

«Скатертью дорога».

– Так как, надеюсь, ты не против?

Разрушительница идиллии облапила спутницу Данилы.

Та ощутила не просто нарушение личного пространства, но

смертельную обиду, которая ядом растеклась по всей коже.

«Как она смеет? Вся я, целиком, предназначена только ему.

И только его руки могут прикасаться ко мне».

– Мне пора уходить.

– Ладно, ладно, не буду беспокоить.

– Прощай.

– Не забывай.

Вместе с «предназначенной» Данила устремился к выходу.

Вдогонку донеслось: «Извини, если помешала. Захочешь

– звони».

– Как она может? Зачем снова и снова вмешивается в мою жизнь? И делает это с таким видом, будто между нами ниче-

го не было. Я давно покаялся во всех грехах, извинился за боль, причиненную ей. Разве этого недостаточно?

«Тише, тише милый. Она не заслуживает таких эмоций. Успокойся».

Эту ночь она провела с ним. В квартире, где царили хаос и неразбериха, в месте, существовавшем для единоличного пользования. От заката до рассвета она отдавалась ему раз за разом, словно потеряв рассудок, и весь свой внутренний мир выворачивала наизнанку. Больше не было слов. Клубы табачного дыма, огонек сигареты посреди квартиры. Если бы она только на миг представила, что таких, как она, у него было очень много. Но пусть даже так, что с того? Ей был нужен он, только он.

Данила уснул под утро, отдельно от той, что посвятила себя ему. «Разве такое возможно после всего, что было между нами?». Она не спала. Она молчала и смотрела, как он дышит. От обиды ей хотелось сжечь квартиру вместе с ними обоими, но на это просто не было сил.

Утром солнце ломилось в закрытое окно.

Данила, помятый коротким сном, оторвался от подушки. Взлохмаченные волосы, рубец на щеке. Вопреки ее ожиданиям, первым делом он пошел умываться, а после – готовить завтрак. Только затем его пальцы грубо коснулись ее нежной

кожи. Но даже от такого прикосновения «предназначенная» забыла все обиды. Тонуть в нем – вот истинное блаженство, и оно должно длиться вечно.

Он овладел ею больше по привычке, нежели из-за искреннего желания. Такие, как она, губят его жизнь. Он всегда это понимал, но ничего не мог поделать. Как отказаться от этого сладостного яда, как прекратить порочные отношения и сказать себе «нет»?

Но вот все закончилось. Глубокий вдох. стакан воды. И, не глядя на нее, он берет телефон и долго ходит по квартире, ругаясь в пустоту.

– Привет. Нет, живой пока. Встретиться? Ты, правда, этого хочешь? Где? В парке, через час.

Стремительные сборы. Пульс зашкаливает. Больше он не уделял ей внимания. Даже не посмотрел на нее.

Из дому они вышли вместе. «Что будет дальше?», испуганно подумала она. Ответ не заставил себя ждать. Он скользнул по ней безразличным взглядом. Потом, больно сжав, небрежно выбросил в мусорный бак.

Она лежала совершенно неподвижно и не спрашивала себя «почему?» и «за что?». Лишь одна мысль не давала покоя – она отдалась ему не целиком.

В ней оставалась еще одна сигарета. Предназначенная для него.

Мухи творчества

Можно было смело заявить, что наступила весна. Не потому, что на календаре значился «март». Не потому, что термометр показывал десять градусов жары.

Нет. Сегодня растаял почти весь снег. Маленькие горки грязного наста, прячущиеся в тени – не в счет. Кроме того, в статью прихода следует занести набухшие почки, огромное количество вышедших из спячки и высыпавших на улицы горожан, и с треском распахивающиеся форточки.

В доме под номером «который никто не запоминал», стоящем в переулке «без названия», в городе «который знают все» тоже отворялись окна и форточки. Порой в них мелькали серьезные дамы с губкой и ведерком воды в руках. Мытье окон – визитная карточка весны.

Кто не хочет впустить к себе живой воздух и взглянуть на мир сквозь хрустально отмытые стекла? А вот этот молодой писатель, живущий в этом самом доме. Он не ленив, скорее – напротив. Просто ему сейчас не до весны. Он пытается написать «что-нибудь на самом деле стоящее». Комната, в которой он обитает – на первом этаже. Окна выходят на соседний подъезд и стену дома. Солнце заглядывает к писателю очень редко, и под окном притаился нерастаявший сугроб.

Думаете, именно писатель станет героем этой истории? Нет, главное действующее лицо, если можно так выразиться,

появится позже. Оно еще не проснулось. Ну и черт с ним, пусть спит. Мы пока что изучим сцену будущих событий.

Комната уютная, с высоким потолком. Дом построен очень давно, и, даже свежееотремонтированный, пахнет стариной. В наличии имеются кровать, шкаф и письменный стол, продолжающийся в подоконник. Для создания рассказа, повести, и даже романа – годится. Отдельно упомянем пишущую машинку, царствующую не только на столе, но и во всей комнате. Фетиш, идол и инструмент творчества.

Еще есть старое кресло, совмещающее роли гардероба и дополнительного спального места. На нем лежит Семен Петров. Он же – Лука Февральский, он же – Алекс Сибирский, он же – Фома Апоплексис. Мы его будем называть просто «писатель», чтобы не запутаться. Руководствуясь заповедью Хемингуэя «пиши пьяным, редактируй трезвым», всю ночь писатель посвятил творчеству, и сейчас посапывал за письменным столом, будучи не в состоянии переходить к редакции.

На шкафу между старыми лыжами и чистыми тряпками прошлой осенью уснула муха. Сегодня, когда прозвенел биологический будильник, она начала просыпаться, подергивая лапками. Зезе (так ее звали) потихоньку пришла в сознание и вспомнила, где ей довелось уснуть.

– Так, пока я еще – не в лучшей форме. Ничего, пара упражнений, и можно будет перевернуться. Если память мне не изменяет, то я сейчас на шкафу у музыкантши. Она ни-

когда не была чистюлей, значит, найду, чем подкрепиться.

Зезе не знала, что флейтистка съехала двумя месяцами ранее, а ее место занял писатель. У комнаты перебивало много хозяев, и все – творческие личности: художники, музыканты, артисты. Теперь вот – писатель. Богема.

Зезе с каждой минутой становилась активнее. Крылья пока еще не ожили, а вот лапки шевелились – будь здоров. Перевернувшись на брюшко, она осмотрелась и поползла к краю шкафа. Надо подкрепиться. Похоже, сменился хозяин, и еды стало больше. Значит, все в порядке.

Муха приступила к разминке и растяжке. Наконец, предполетная подготовка закончилась, и она шагнула в пропасть. Полет Зезе нельзя было назвать грациозным, скорее, это было управляемое падение. Приземление состоялось на недоеденном куске пиццы.

Шедевр итальянской кухни в отечественном исполнении муха запила огромной каплей вина на рабочем столе.

–Молдавское. Гадость.

Последовало еще четыре глотка.

Не стоит осуждать Зезе за привередливость. В винах она не разбиралась вовсе. Но кто из нас, скажите, не стремится к самоутверждению? А Зезе вообще любила корчить из себя важную персону. Даже имя себе придумала, услышав как-то про своих дальних африканских родственников по фамилии Цеце.

Изрядно охмелев, муха прилегла отдохнуть рядом с остат-

ками пиршества. Еще немного, и она бы уснула, но со стороны писателя послышался шорох.

– Что ты там возишься? Сам не спишь, и другим не даешь, – проворчала Зезе.

Она была готова вновь окунуться в мир грез, как вдруг рядом с ней приземлилась тяжелая рука.

– Ох, батюшки! – воскликнул муха, и взмахнула крыльшками, однако выпитое вино вступило в коварный сговор с законами гравитации.

– Ну что за напасть! – изо всех сил перебирая непослушными лапками, она отползла к краю стола и уставилась на писателя во все фасетки.

Писатель мял заспанное лицо.

– Что-то я вырубился. Интересно, сколько сейчас времени?

– Судя по твоему виду, ты тоже проспал всю зиму. Весна, дружок, вот какое сейчас время.

Не обращая внимания на ее жужжание, писатель, не вставая с кресла, потянулся за телефоном, чтобы узнать время. Аппарат бастовал. Наверное, зарядка закончилась. Ну и черт с ним. Телефон полетел в расправленную кровать.

– Какой буйный попался! Ты там аккуратнее, а то, чего доброго, сожителей заденешь.

Выругавшись, писатель сделал хороший глоток из початой винной бутылки. Самым аппетитным куском пиццы оказался тот, на котором недавно пировала муха. Писатель его

съел.

– Вот это по-нашему! Завтрак – главный прием пищи! – поддержала его Зезе.

– Посмотрим, что я вчера натворил.

Разговор с самим собой был для него столь привычен, что иногда перерастал в склоку.

– О, развлечения! – Зезе потеряла лапки, и, пока писатель рылся в бумагах, собралась с силами и перелетела к нему на плечо.

– Тэк-с, что там у нас?

«Зачем Андрей проснулся этим утром, он и сам не понимал. Ехать в аэропорт в воскресенье, ради непродолжительного общения, пусть даже с «ней»? Явное безумство и признак зависимости».

– Это – явно про любовь. Сопли. Слюни. Гадость. – покривилась Зезе.

«И зачем ему понадобилось оставлять тот дурацкий цветок у нее, отвез бы к матери, отдал арендодателю или, на худой конец, выбросил. Нет, ему надо было оставить хоть прозрачную возможность быть связанным с ней».

– Нет, ну ты серьезно? Любовь-морковь? Тема давно раскрыта! Давай что-нибудь поинтереснее! – потребовала Зезе.

Писатель, словно услышав, скомкал лист и выбросил его в дальний угол.

«Август – вечное напоминание конца. Ведь у всего есть конец. И, чем лучше конец, тем он печальнее. Август пре-

красен, но это мы понимаем лишь тогда, когда он заканчивается. Но следом будет новый, которому также придет конец».

– Я, конечно, не хочу беречь ранимую душу творческого человека, но не слишком ли много «концов»? Вы бы осторожнее, батенька, а то читатель неведь что подумает.

И этот лист полетел в угол.

– Молодец! А это что? Ммм... Саморазрушение?

«Меня стошнило рядом с унитазом. Как часто, оказавшись в непосредственной близости от своей цели, мы промахиваемся? Если мое состояние позволяет рассуждать в условиях, когда половина тела состоит из полупереваренной пищи, значит, я еще не достиг дна. Только коснулся его, чтобы оттолкнуться, но хватит ли сил выплыть на поверхность? Да и нужно ли это?».

– А это – явное подражательство. Как там его? Бубровский или Боковски... Неважно. Саморазрушение вещь интересная, даже захватывающая, но зачем так подробно его описывать? Неужели эта тема так заводит?

Зезе слетела на стол и стала расхаживать по черновикам, прочитывая вслух названия и цитаты: «подошел к ней неспешно сзади и поцеловал в шею», «рассудок победит», «новая осень», «как мы можем бросаться камнями в свое отражение в воде».

Муха добралась до капли невысохшего вина, отпила и выдала тираду.

– Да, надо отдать тебе должное и сказать спасибо хотя бы

за то, что не пишешь про космических гномов и ящеров-масонов. Ой, а это что? «Список идей: эльфы судьбы». Ты серьезно? Выпустите меня из этой квартиры! Я не желаю терпеть издевательств над беллетристикой!

Зезе взлетела над письменным столом и начала описывать восьмерки перед лицом писателя.

– О, могучий русский язык! О, великая русская литература! Хорошо, что знаменитые мэтры прошлого и настоящего не видят этого позора! Пушкин, прочитавший такую галиматью, вызвал бы тебя на дуэль. А ведь как хорошо сказал поэт: «О, лето красное! любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи». Про Корнея Чуковского я вообще молчу! Такой потрясающий генофонд, а мы все метим на Запад! Ты что, считаешь себя писателем?! Ты, юродивый от литературы, оглянись вокруг! О чем ты можешь написать? На морде – никаких признаков испорченности интеллектом! И, кстати, какие мысли можно донести до читателя, если закрыться в четырех стенах?!

Все это время он сидел и тупо наблюдал за полетом мухи. Ему начало казаться, что – вот-вот, и она заговорит.

– Хочешь сказать, ерунду пишу? Сам знаю! Но не идет, не идет у меня. Либо приторно, либо бессмысленно, либо еще хуже. Ну не могу я придумать нормальный сюжет.

Услышав это, муха врезалась в его лоб и ошалело закружилась перед глазами.

– Да как ты что-то придумаешь, если вся твоя жизнь – это

грязное окно, три стены и стол!

– Муха, а муха? Ну, вот что мне делать? Может, ты мне подсказешь?

–Иди весну встречать, графоман! – Зезе выполнила петлю Нестерова и полетела прямо в стекло. Удар, еще удар. Безрезультатно. За спиной мухи писатель оторвался от стула, подошел к окну и распахнул форточку. В комнату ворвался свежий ветер.

– Лети, раз хоть у тебя крылья есть. – Ладонь сложилась в лодочку и плавно подталкивала Зезе, пока та не вылетела прочь.

– И мне пора.

Он выбрал из груды одежды нечто наименее грязное и помятое, оделся и уже был готов выйти на улицу.

– Стоп, стоп.

Вставив чистый лист в пишущую машинку, он постучал по клавиатуре.

– Так лучше.

После этого писатель вышел из комнаты на встречу с жизнью, оставив на листе название нового рассказа: «Мухи творчества».

Аллергия

Воскресное утро началось сверхъестественно рано. Часовая стрелка даже не успела поцеловаться с цифрой восемь. Ну, какой современный человек способен на такое преступление – начинать воскресенье раньше обеда?

А что делать, если внутренний будильник взбесился? Хорошо хоть, во всем остальном утро не обещало никакой экзотики. Проверяем телефон. Смотрим последние новости друзей в соцсетях.

Потом я отправился в туалет. Путь лежал через соседскую комнату. Так получилось, что санузел в съемной квартире – отдельный. Все бы ничего, но будка с унитазом вместо телефонного аппарата располагалась за кухонной стенкой, а кухня соединялась с комнатой соседа.

Неудобно, но мы привыкли. Я наловчился отворять двери бесшумно, дабы не тревожить чужой сон. Зачем я оглянулся? Постель соседа была занята, но не им. Тело, бесспорно, принадлежало женщине. Копна светлых волос, тонкая лодыжка из-под одеяла. Очертания груди, довольно аппетитной. Ничего удивительного. Мы договаривались, что гости у нас могут останавливаться без предупреждения.

Скорее всего, сосед отлучился в туалет. Проходя мимо самого популярного места в квартире, я дернул ручку – мол, помни, товарищ, что ты не один. К моему удивлению, дверь

оказалась не заперта. В туалете никого не было... «Должно быть, он в ванной», – осенила меня гениальная мысль. Выполнив в будке свою программу действий, я вновь заглянул в соседскую комнату. На постели ничего не изменилось. Тогда я постучал в ванную.

– Ты там долго еще? А то твоей барышне, видать, совсем скучно.

В ответ – тишина.

– Ты там жив, вообще?

Тишина.

Тогда я решил действовать с огоньком... точнее, без него, и потянулся к переключателю света, но тот был в положении «выкл». Странно. Включил свет, дернул дверь на себя. Пусто. Мест, где взрослый мужчина мог бы укрыться, в квартире больше не осталось. Значит, вышел за сигаретами или презервативами.

Прошло минут сорок. Я сидел в своей комнате и лениво поглядывал на монитор. Не работа, пустяки. Голова была занята другим. За все это время я не слышал вообще никаких посторонних звуков. Появилось беспокойство. Он, по жизни, человек адекватный, но происходящее меня смущало. Я набрал его номер.

– Да.

– Привет. С тобой все в порядке?

– Конечно. А ты как? – он был невозмутим.

– Да вот нашел твою подругу, а тебя рядом с ней не обна-

ружил, решил набрать. Ты где?

– Ах, это... Я гуляю, через два часа буду дома. Если услышишь, что барышня проснулась, напиши мне.

– О'кей.

– Приду домой – объясню, что происходит.

По всему видно: гостя не слишком желанная. Поэтому я включил музыку и начал проводить спринтерские забеги на кухню за кофе и едой. К моему удивлению, это никак не повлияло на сон девушки.

Завтракал я долго. Не люблю спешить во время главного приема пищи. Жевание сопровождалось любимым ситкомом и закадровым смехом. Одновременно с завершением серии и последней ложкой хлопьев дверь в квартиру распахнулась.

Сосед ввалился в помято-бодром виде.

– Доброе утро.

– Доброе. Я туалетной бумаги купил. Она не просыпалась?

– Вроде нет.

– Плохо. Не люблю их будить.

– А что случилось?

– Давай зайдем к тебе?

– Заходи.

Мы прошли в комнату.

– Не могу я с ними спать. В смысле «спать» могу, но вот спать, в смысле спать, не могу.

В ответ я лишь приподнял брови, ожидая пояснений.

– Ты будешь смеяться, но у меня аллергия.

– На что?

– На женщин.

– Уже смеюсь.

– Я на полном серьезе. Обнаружил я это давно. Жил тогда на севере Москвы. Целую квартиру снимал, большую, за ерундовые деньги. Но только три месяца. Пошел отмечать новоселье. Естественно, познакомился с девушкой, и мы поехали ко мне. Все прошло замечательно, без сучка и задоринки. Стали укладываться, а я уснуть не могу. Чешусь, ворочаюсь, даже астматический кашель меня пробрал. Тогда я пошел, якобы, в туалет, подождал, пока она уснет, а сам улегся на кушетку. Ах, какая там была кушетка... Волшебная. Ложишься и сразу обо всем забываешь. А знал бы ты, сколько девушек побывало на ней... Хорошая кушетка, но речь не о том.

Сначала я решил, что просто кровать неудобная. Но! Пробовал спать один – совершенный кайф. Как только с кем-то ее делю, так не то что уснуть, а просто задремать не могу. Прямо не по себе. Рядом кто-то лежит, потеет, дышит! А волосы, лезущие в лицо... Брр! Вот я и понял, что тут дело вовсе не в кровати и не в квартире, просто у меня аллергия на девушек.

– Звучит, скорее, грустно, чем смешно.

– Как бы там ни было, а спать я не мог. Каждый раз при-

ходилось оправдываться, почему ухожу на кушетку.

– Ну, это моветон. Уложил мадемуазель в постель, а спать с ней отказываешься.

– Да, это ужасно. Пришлось научиться незаметно вылезать из-под одеяла, чтобы потом перелечь на кушетку.

– А сегодня что у тебя было?

– Да все то же. Аллергия. Только вот, кушетки у меня больше нет. Пришлось идти гулять, заснуть-то в любом случае не смогу.

– Вот и выбирай теперь, что лучше: сон или секс. Бедняга.

Вместе мы снимали квартиру еще полгода. Я привык к одиноким незнакомкам в его постели. С какого-то времени девушки перестали меняться. Всегда оставалась одна и та же. Потом они вдвоем съехали, и стали вместе жить.

То ли аллергия у него прошла, то ли просто влюбился, наконец.

Кактусы и люди

Москва – гулящая, Москва – не спящая...

Мода на питейные заведения постоянно меняется. Сегодня идет возвращение к кабацкому антуражу. Так называемые «рюмочные» растут как поганки после дождя. Незатейливый деревянный интерьер с декоративной утварью для самогонварения напоминает трактиры начала двадцатого века. Правда, я в них никогда не бывал, и бывать не мог, но ассоциация напрашивается. Мне нравится эта псевдо-старина. И потом, траты на всякие настойки и самогонку не сильно бьют по карману.

Апрельский вечер плавно перетекал в ночь. Мы с другом отправились в рюмочную, точного названия которой история не сохранила. Особые приметы: вывеска отсутствует, народу тьма, центр города, вход со двора.

Мы пробрались к барной стойке, но не смогли сделать заказ сразу. Толпа такая, будто наливают бесплатно. Ажиотаж, все спешат выпиться. Все, кроме нас. Ведь выпивка – как путешествие: важна не конечная точка, а процесс. Чтобы не стоять в очереди, взяли сразу много, а именно: четыре по пол-литра нефильтрованного и шесть по пятьдесят на рассоле. Пока я расплачивался, мой проворный друг умудрился найти небольшой столик в самом углу. Вот уж, воистину, «и опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг».

Процесс, ради которого мы собрались, пошел, как по маслу. Ничего особенно интересного. Пить мы умели, разговоры вели не оригинальные, зато складные и ладные. Комфортное общение, словом. Стабильность – показатель мастерства.

Спустя время организм стал готов выдержать длительное пребывание на улице. Сознание радостно к нему присоединилось и объявило о желании транслировать и воспринимать разные затейливые мысли. Попросту выражаясь, включиться в пьяный треп. Прихватив две кружки пива, мы выбрались наружу.

Главная прелесть такого погребка – возможность познакомиться с большим количеством самых разных людей. Познакомиться не корысти ради, а чтобы набраться опыта, получить впечатления. Вдобавок, это просто весело. Мы ведь не работаем, а отдыхаем. Что подвыпившему нужно? Чтобы его выслушали, вместе посмеялись, сбросили груз, накопившийся за неделю. А мы с удовольствием послушаем иногда интересные, а и иногда – не очень, истории.

Оказавшись на свежем воздухе, мой друг тут же присоединился к компании девушек. Они очень громко и весело общались, размахивая руками, как хрестоматийные рыбаки, хвастающие уловом. Естественно, друг не смог пройти мимо. Что теперь будет? В последнее время он вел себя несколько агрессивно со слабым полом. Компенсировал, мерзавец, недавнее расставание с девушкой. Самоутвер-

ждался.

Я не стал ему мешать и отошел подальше.

Закурив, я огляделся по сторонам. Человек двадцать разбились на небольшие группы. Ничего необычного. Я уселся на стопку паллет, которые были кем-то заботливо вычищены. Спустя две сигареты и полкружки пива ко мне подсел довольно странный тип. Он изрядно выпил, судя по неуверенным движениям, и вообще, выглядел «не в себе», зато разглагольствовал, как Цицерон. Интонация при этом вальяжная: «Раз уж я приземлился рядом с тобой, придется, из вежливости, обменяться парой фраз».

– Привет.

– Ну, привет. – Я решил общаться в том же тоне.

– Как тебе место?

– Бо-ме. Шумновато.

– Ты бывал тут в будни?

– Нет. В будни работаю.

– Попробуй, загляни сюда в понедельник. Людей меньше и все – свои. Знаешь хозяина бара?

– Нет.

– Крутой чувак. Он сейчас второй бар открыл, винный. Если честно, исполнение не совсем удачное.

– Бывает.

Это мой универсальный ответ, когда сил нет продолжать, а от тебя чего-то ждут.

– Да, бывает... Вот скажи мне, ты – личность?

Такого я не ожидал и слегка растерялся.

– Личность.

– Хорошо.

– А ты?

К этому вопросу мой собеседник явно был готов.

– Скажу тебе так, личность заканчивается на кончике носа другого человека.

– Дружище, ты спутал, это выражение про свободу.

– Ничего я не путал. Просто вдумайся в смысл фразы.

Вдумываться я не стал. Разговоры разговорами, но когда человек достигает стадии философской интоксикации, продолжать беседу не имеет смысла. Пустая трата времени. Я встал, чтобы уйти, но меня остановил следующий вопрос.

– А знаешь, кто еще личность?

– Кто?

– Растения.

А вот это уже что-то новенькое. Я сел обратно.

– Да, именно растения. Не смотри так удивленно. Я знаю, о чем говорю. У меня своя оранжерея и, если бы я не знал, что имею дело с личностями, то никогда не стал бы флористом. А знаешь, какие из растений самые человечные?

– Какие?

– Кактусы. В них есть все, что нужно, и ничего лишнего. При всем том они понимают, для чего существуют, и каждый имеет собственное представление о правильности этого существования. При смене окружающих условий они находят

способ адаптироваться, а иногда даже переосмыслить свое бытие. Это ли не критерий личности?

– Возможно.

– Нынешние люди беднее в своем развитии, чем кактусы. Вот взять хотя бы мою любимицу – Маммиллярию. По сути, кактус как кактус, почти в каждом доме есть. Но ведь все они разные: цветение, рост, даже иголки – индивидуальны...

И тут его понесло. Он начал перечислять различные виды растений, их особенности, и что когда цветет. При этом вывалил на меня кучу растениеводческих терминов.

От тихого помешательства меня спасло изменение в окружающем пространстве. От кучки людей напротив отделился молодой человек, и мне открылся вид на чудесную девушку. Нет, лучше сказать – на женщину. Не в смысле – на «усталую тетю», а в смысле – на «зрелую итальянскую красотку». Статная, слегка надменная, она живо участвовала в разговоре о чем-то. Длинное черное платье с разрезом от половины бедра, кожаная куртка. Одета не по погоде, но не подает виду, что мерзнет. Черные волосы до плеч, карминные губы, сжимающие сигарету. За время, что я ею любовался, она взглянула на меня единожды. На миг мы встретились глазами. Если она и поняла, что я ее изучаю, то никак этого не обнаружила.

– Красивая, – я повернул голову к флористу, но у того в глазах были кактусы.

– Эх, жаль, что я сегодня занят, – сказал мой друг, по-

завившийся из ниоткуда.

– Очень. И даже дородность ей к лицу.

– Я бы не сказал, что она толстенная.

– «Толстенная» и «дородность» – разные понятия.

– Вы о чем? – вмешался кактусолог.

– О девушке, что напротив.

Теперь мы все вместе сидели и откровенно пялились на красавицу. Выкурили все сигареты, честно поделенные на троих, и допили пиво.

Друг оставил нас – на улицу вернулись его шумные девичьи.

– Почему ты не подойдешь к ней? Иначе ведь не познакомишься, – словно выйдя из летаргического сна, поинтересовался кактусофил.

– Может, я не хочу знакомиться?

– Почему?

– Мне это не нужно.

– Половину времени, что мы тут сидим, ты не сводишь с нее глаз.

– И?

– Ты сомневаешься в себе, считаешь, что она не удостоит тебя своим вниманием? Но ты не узнаешь этого, если не попробуешь.

– В себе я никогда не сомневаюсь. По крайней мере, никогда в этом не признаюсь.

– В чем же дело?

– Я уже и так про нее все знаю.

– Вы знакомы?

– Нет.

– Тогда я прошу объяснений.

– Пойдем, возьмем еще пива. На сухую рассказывать – не то.

Сказано – сделано. Мы снова уселись на паллеты.

– Понимаешь, познакомившись с ней, я разочарую сразу двух людей. Она наверняка не соответствует тому образу, который я нарисовал в моем воображении. Я говорю не о внешности. О ее мыслях, увлечениях, характере. Она же будет разочарована тем, что я не могу уделить ей должного внимания, потому что поглощен не общением, а ее изучением и поиском ответа на вопрос: «Почему я в ней этого не заметил?». А, задав себе этот вопрос, я засвидетельствую свое разочарование.

– Не слишком ли мудрено? Зачем рисовать себе то, что, скорее всего, не является правдой?

– Ты часто бываешь в метро?

– На прошлой неделе был последний раз. Не нравится мне там.

– А я вот каждый день езжу. Согласен, обстановка там не царская, но рассказать, чем я спасаюсь? – Тут я решил использовать терминологию, эмоционально близкую моему собеседнику. – Для меня метро – оранжерея, а люди – кактусы. Вроде бы примитивные. Со своими бытовыми забота-

ми, угрюмые, замороченные. Но, изучая внимательно, можно найти в них те особенности, которых нет у других. При схожести проблем, внешнего вида, поведения – они все разные. У каждого увлекательная история с неповторимыми деталями. Для меня это как игра.

– Она уходит, – проворчал мой собеседник.

– Вижу.

– Ты не пойдешь за ней?

– Зачем мне портить такую прекрасную ночь? У меня еще есть пиво и силы для того, чтобы пройти пару переулков. А ты способен дерзнуть?

– Знаешь, я так и сделаю. А потом тебе все расскажу.

Хмельной кактусовед встал с паллеты, кивнул мне, и нетвердо, но целеустремленно последовал за «итальянской гурией».

Он не расскажет. Потому что больше мы не встретимся. Но я успел дорисовать портрет. Завтра утром она проснется в окружении горшков с кактусами, а за утренним кофе ей будет торжественно вручена Маммиллярия.

И совершенно не важно, произойдет это на самом деле, или нет.

Выстрел в пустоту

Они не догадывались, что я проснулся. Ходили на пуантах, не бряцали доспехами. Отказались от утренней трапезы. Хорошие ребята. Мне неловко отягощать их своим присутствием. Сегодня же уеду.

Осталось полсуток до поезда. Успею собрать барахло, слегка прибраться, посуду помыть. Я – хороший гость. Все, у кого квартировал последние два месяца, смогут это подтвердить под присягой.

Лучше всего собираться под телевизор. Самодовольный ящик бубнит что-то про колибри и опоссумов. Нервы успокаивает. За последнюю неделю, правда, надоел мне, как прыщ на... ладно, неважно.

До сего момента ни в общаге, ни в других местах моего обитания телевизора не наблюдалось. Сейчас – вот он, во всей красе. Будем считать его присутствие тренингом для возвращения в цивилизацию.

Вообще, все могло сложиться иначе с начала до конца. Не каша из пакетиков, а нормальный омлет с болгарским перцем и сыром. Вместо уборки – пробежка. Виноват ли в моих мытарствах коронованный вирус? Отчасти. Если бы не стали есть летучих мышей, удалось бы мне не влезть в сегодняшние обстоятельства? Нет. А отсрочить их? Весьма возможно.

Приятно думать, что в своих бедах виноват не ты сам. Что

кто-то неуловимый и коварный подстроил твою неудачу. Что всемирная машина «Рандом» свихнулась и выбрала именно тебя в качестве лузера и прислуги за все.

По ящику начался стендап. «Знаете, я тут вдруг подумал...». Конечно, вдруг. Судя по твоей ряшке, ты чаще занят другим делом. «Мой сказал мне в постели...». А у него только в постели и есть время с тобой поговорить.

Переключаться на другой канал я не стал. Самоистязание паче всего. Это самая легкая кара за мой облом. За место под солнцем, которое я не занял. Особенно жжет, что в конце пути – боковушка рядом с уборной. Кстати, не забыть воспользоваться уютным «домиком с водой», как говорят на Востоке, перед выходом. Иначе придется участвовать в игре на меткость в вагоне, который, полное ощущение, прыгает по кочкам.

На вокзал я приехал покорять столицу, отсюда же и ухажу по-английски, не прощаясь. Все справедливо. За что боролся, на то и напоролся. Три года назад меня обуяли (если не сказать хуже) абсурдные надежды. Бесом-искусителем стал говорливый лысый тип гражданской наружности. С каких пор я доверяю ораторам, утверждающим: «да тебе надо в Москву ехать, там ты точно зажжешь»? Вместо того чтобы вежливо надавить ему на кадык, перекрыв, таким образом, поступление воздуха в верхние и нижние дыхательные пути, я задумался. «Да, черт возьми, ты прав, странный мужик. Так я и сделаю».

Сделал ведь. Покинул родное гнездо и отчий дом!

И, о чудо! На первых порах не прогадал. Надо перекаптоваться? Легко! Оказалось, например, что вовсе не сложно стать аспирантом элитного московского ВУЗа. Плюс общежитие в самом центре за три копейки. Плюс учеба – не бей лежачего. Главное – выбрать научного руководителя, далекого от темы диссертации. Денег – не пруд пруди, но жить можно. Каждый месяц приходит мзда от сдачи квартиры в родном городе. Остальная часть золотого дождя падает с подработок. Персональный тренер, бариста, экспедитор, официант, администратор, продавец тортиков, выгуливатель собак, аниматор, куратор детских творческих групп... В моем послужном списке не было только мужского стриптиза (чур меня, чур).

Такого количества шабашек нет ни в одном другом городе. Благодаря этим вольным хлебам я познакомился не только со столицей и ее благородными окраинами, но и с массой отзывчивых и в меру благородных людей. Да, в конце концов – я попал на сцену!

Сдав вещи в камеру хранения, я начал не прощание, нет. Поминальное шествие по карьере комедианта. Хотелось пройтись по местам боевой славы налегке. Хотя, какая там слава. Нет, не новая яркая звезда комедийного жанра засияла под куполом небес. Скорее, возник короткий, едва различимый в темноте, росчерк от выброшенного окурка.

У меня были выступления в родном городе, даже гастроли

по области, но их смешно сравнивать с тем, какие золотые жилы заставляли спотыкаться здесь на каждом шагу. Вот в этих двух барах я выступил в один день, перебежав с одного конца здания на другой. Вон там напился перед выходом и метнул (не нарочно) микрофон в чье-то декольте за ближайшим ко мне столиком. Кстати, попал.

Я ведь как рассуждал? Кто в телике засветился, у того собственное интернет-шоу в кармане. Тут главное – не облажаться и побольше общаться. Авось, позовут куда-нибудь, и вот, ты тоже медийная личность: подписки, репосты, просмотры. Дальше можно уже не париться. Откуда берутся все новые люди в шоу-бизнесе? Это случайное явление; главное – торгануть лицом, пожать нужную руку и – в дамки.

Нет, ребята, все не так – убедился я на собственном опыте. Работать нужно над материалом. Писать, пробовать, снова писать, снова пробовать, исправлять и снова писать. А мне и так было хорошо. Накропаю что-нибудь раз в сезон, и выступлю. Не накропаю – пользуюсь старым. Бывает, смеются, хлопают. До чего ж приятно! Собственно, потому я и пошел в эстрадный жанр. Только на тебя все смотрят, ты главный. «Шутя, глумишься над собой ты сам, не кто-нибудь другой». Хорошо сказано! А придумал этот, как его... нет, это я сам придумал. Да, талант – не шило в мешке. Вдобавок, самоирония тут как тут.

А тот убогий КВН, откуда меня выперли всякие бездари, я в гробу видал. «Ты не смешной, и шутки мои – дурацкие...».

Сами вы...

Вот парадокс юмора. Он субъективен, но, если смешно, то объективно смешно.

За домами – скверы, за площадями – улицы и переулочки. Ноги сами несут меня в мекку комедиантов. В храм, где разрешено высмеивать любые пороки. Где пророками стали те, кто сумел рассмешить публику. Где катехизис – сэтап и панчлайн. Я бывал среди тех, кто смог взять фортуна за вымя. Но мой случай был не из тех, что кончаются «Оскар». Очередным мотыльком я сгорел под ярким светом софитов, под редкие хлопки публики, напоминающие звуки погони за молью.

Лишь единицам из нас уготован успех, такова система. Чтобы произвести одну отличную штуку юмора, надо перелопатить сотни хороших. И тогда – все довольны. Амбициозные комики верят в свою избранность. Потребители контента млеют от конвейерных поставок. Администрация заведения ловит кайф от постоянного притока посетителей.

О, а вот и мой знакомый. Курит у входа. Надеюсь, он меня не заметит, и я буду избавлен от формально-приторного диалога. Нет. Подходит, жмет руку, улыбается, шутит. Ну, еще бы, весна, локдаун позади, и можно снимать сливки с изголодавшейся публики. А, кстати, как я проводил время взаперти, и почему долго было не слышать обо мне?

Расскажу. Только без подробностей. Я не нуждаюсь в сочувствии. Наелся за время скитаний.

Его устроили мои обтекаемые ответы. Пригласил меня пропустить по кружечке. Теперь он занимается техническими вечеринками для обкатки материала в телевизионных проектах. Один из винтиков механизма, но довольно крупный, из ценного сплава. Если бы мне все еще было интересно, я бы спросил, каким образом была достигнута такая вершина. Но меня больше волновало, кто будет платить за пиво.

Он отошел куда-то, вернулся, расплатился (уф!) и объявил, что не случайно мы встретились. У него потрясающая новость: сегодня на техничке освободилось место для разогрева, и ему разрешили привлечь меня в качестве комика. Я стал уточнять время проведения, и он удивился. В нашей среде на такие предложения соглашаются без разговоров, высоко подпрыгивая от радостного возбуждения.

Тайминг почти совпадал с отправлением поезда. Можно попробовать успеть везде, но это большой риск. Опоздание на рейс – катастрофа. Я и так назанимал денег у всех, у кого можно. Еще один билет мне просто не по карману. С другой стороны, удача призывно помахивала пушистым хвостом и неприлично гримасничала, обещая чудо воскрешения похороненных надежд.

Я согласился просто потому, что мне требовалось время на размышления. Некрасиво, да. Но ведь надо взвесить все за и против! Для человека несведущего – ситуация кристально ясная, а для нас, «сценических», все не так просто.

Но взвешивать плюсы и минусы – бестолковое занятие.

Их тут нет, а есть обычная нестыковка по времени и выбор между необходимым и желанным. Хотя, выбора тоже нет, все очевидно. Вещи на вокзале, билет в электронной почте, осталось только купить воду и лапшу быстрого приготовления. Для выступления у меня даже текст не готов. Можно воспользоваться старым полупроверенным материалом, но, если все пойдет не по плану, то жить мне будет негде, и денег на пропитание совсем не останется. В родном городе – квартира, работа, где меня ждут, и нечто, напоминающее стабильность.

Все, отказываюсь. Иду на вокзал и жду поезда. Незачем испытывать судьбу.

Но, несмотря ни на что, останемся вежливыми людьми. Я решил лично сообщить знакомому об отказе. Вернулся в клуб, а там народ прихлынул на очередное выступление.

Откуда ни возьмись, появился «большой винтик» и весело сообщил, что мой выход через десять минут. А, была, не была! Выступлю и облажаюсь. Меня снимут с вечера, и оправдываться не придется. А если пройдет все достойно, это будет финальный аккорд в погоне за славой. Уйду израненный, но непобежденный.

В примерке собралось с десятков комиков, готовых на все (и мальчишки кровавые – в глазах), чтобы оказаться самыми смешными. На большом мониторе виден зал. Ведущий представился, потрепался с публикой и представил первую жертву.

Парень лет семнадцать вышел из гримерки и принялся довольно прилично рассказывать про подростковые прыщи, экзамены и значимость высшего образования. Не феерия, но на четыре с плюсом потянет.

Следующим был я. Давно не ощущал того трепета, который возникает в пяти шагах от микрофона. Люди авансом хлопают, ведущий «дает краба» и бьет по плечу.

И тут меня накрыло. «Вы хотите песен? Их есть у меня». Впервые в жизни попер экспромт.

А дальше все – как в тумане. Публика в восторге, отбивка играет, я возвращаюсь в гримерку. Знакомый вытирает слезы и обещает, что, если все так пойдет и дальше, то мне определенно удастся засветиться и попасть в один из готовящихся телевизионных проектов. Комики несмело улыбаются и аплодируют. Я словно пьяный, ноги ватные, в голове ветер.

Придя в себя, я погрузился в раздумья. До выхода на сцену ситуация была одна. Сейчас, после успешного выступления, она стала иной. Свою лепту в мои сомнения внес денежный приз. Всего пять тысяч рублей, но это деньги, притом за творческий труд, что делает их стоимость значительно выше номинала на купюре. Это все – белая полоса или очередная обманка судьбы? Как успокоить разнузданное сознание, нарисовавшее радужную картинку?

А вот как. Возможен другой вариант развития событий. Все закончится плачевно: потеряв задор, я облажаюсь на следующем «мероприятии». Никто больше со мной работать не

захочет. Денег хватит только на выкуп багажа и половины билета. Придется писать знакомым, чтобы, в который раз, помогли материально. И хорошо, если в следующем поезде окажутся места. Если нет, то предстоит ночевать на вокзале.

Снова обнадежиться, снова разочароваться и вернуться к тому же самому поезду. По большому счету, все, что сейчас произошло – выстрел в пустоту.

В клубе начались подготовка помещения, уборка, настройка оборудования. Основной каст вечерники потихоньку подтягивался. Не только суперизвестные комедианты, но и те середняки, с которыми я когда-то делил сцену на местечковых концертах.

Душно. И вообще, я вышел с вокзала, чтобы с городом проститься, а не в примерке сидеть.

Когда солнце садится, центр города обретает особый лоск. Маленькому человеку здесь не рады. Лучше зайти за угол, там – курилка для персонала. Темно, не слышно машин, и стоит лавочка. Так ли велика разница между этим местом и тем, откуда я только что вышел?

Если нет, то стоит ли оставаться, если да, то стоило ли уезжать?

Уверен, что они недолго будут обижаться на меня. Заменят, невелика потеря.

Пока есть еще время, пройду пешком. Потом сяду на поезд, займу свою боковушку, и не буду думать ни о чем ровно полтора суток. А, вернувшись в родной город, наверняка

стану задавать себе те же вопросы.

Велика ли разница между этим местом и тем, которое недавно покинул?

Если – нет, то стоило ли уезжать?

Если – да, то стоит ли возвращаться?